Анна Сафина

Стафи Ди

16+

Змеям слова не давали,

или попаданка на тропе еды

Стафи Ди
Анна Сафина

Змеям слова не давали, или Попаданка на тропе еды

Серия «Бытовой Беспредел», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67877754
SelfPub; 2022

Аннотация

Упала в реку и попала в другой мир? Где наша не пропадала! Проблемная таверна в наследство, говорите? Дядюшка с прибабахом и красавчик-наг? Ничего, рядом ведь говорящая белка, семейные рецепты в голове, так что держись, мир нагов! Попаданка вышла на тропу кулинарии! Ух и кашу заварю!

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 15
Глава 3 28
Глава 4 45
Глава 5 70
Глава 6 83
Конец ознакомительного фрагмента. 85

Анна Сафина, Стафи Ди
Змеям слова не давали, или Попаданка на тропе еды

Глава 1

Дергаю головой. Что-то шершавое коснулось моих век, неприятно надавливая на глаза. Голова тяжелая, легкие жжет, будто от длительного марафона на одном дыхании, ломота в мышцах не дает пошевелить и пальцем.

– Эй, пекарка, вставай, давай! – чей-то визгливый голос кричит мне прямо в ухо.

Голова начинает раскалываться, поворачиваюсь на бок, желая избавиться от неприятного сна. Встряхиваю головой, сбрасывая мохнатую чужую конечность.

– Ай, – взвизгиваю, когда меня зло дергают за волосы, больно оттягивая их.

– Слышь, болезная, может, тебе ватрушки нюхнуть, чтобы в себя пришла? – снова раздается какой-то женский голос.

И тут я понимаю, что всё это не сон. Открываю глаза, взвизгиваю и, видимо, пугаю это существо, которое лупит в этот момент по моей щеке своей рыжей волосатой лапкой с острыми коготками.

– Дьявол! – кричу, когда эта наглая морда приближается слишком близко ко мне, касаясь моего носа своим – неприятно мокрым и склизким.

Шарахаюсь, ведь черные глаза-бусинки отражают меня – взлохмаченную и явно давно нечесаную.

– А-а-а! – вопим мы с этим существом одновременно и отскакиваем друг от друга в противоположные стороны.

Сердце ускоряет свой бег, но конечностями я двигаю исправно. Несмотря на боль, удаляюсь как можно дальше от… Белки? Приподнимаю в удивлении брови и оглядываюсь по сторонам. Место, в котором я очнулась, совсем не похоже на мою квартиру. Влажные темно-пурпурные стены покрыты мелкими каплями, черный пол с местами прогнившими досками поскрипывает от каждого движения, отчего я опасаюсь, что он вот-вот развалится, и мы останемся погребенными здесь навечно.

– Что за… – поднимаю руку, чувствуя на ней что-то зеленое и липкое, подношу пальцы к глазам, и от запаха меня начинает мутить. – Фу… Что за непонятная субстанция?

Отряхиваю руку и морщусь, дергая брезгливо уголками губ.

– Белены объелась, что ли… – делаю предположение о своем моральном состоянии, а затем кручу головой, выискивая предполагаемого собеседника.

– Слышь, вставай уже, ты головой ударилась, что ли? Поднимайся и корми меня, раз втянула в неприятности. Ты в

курсе, что уничтожила мой запас еды своим телом, пекарка? Всегда знала, что вы, людишки, на голову отшибленные, – грубит мне снова собеседница.

Смотрю на белку и вижу ее шевелящийся рот. Говорящая белка, ну да, ну да. Хороший розыгрыш. Пропускаю слова мимо ушей, оглядываясь вокруг. Тут грязно, холодно и сыро. Моя одежда почему-то мокрая, а волосы лежат на плечах паклями. Я сейчас явно похожа на ощипанную мокрую курицу.

Всё освещает только один странный источник света, расположенный в одной из стен, похожий на голубую субстанцию в виде закручивающихся энергетических спиралей. Он, к тому же, еще сверкает и шипит, словно наэлектризованный.

– Ничего себе спецэффекты! – восклицаю, раскрываю рот буквой “о”.

От испуга отползаю подальше, но продолжаю завороженно смотреть на этот сгусток голубой переливающейся энергии. И тут неожиданно белка запрыгивает на мое плечо, цепляясь коготками за некогда белую блузку.

– Шевели булками и тащи нас обратно, я рисковать своей жизнью не буду. И-го-го, вперед! К порталу! – совсем теряет совесть и в край наглеет невольный собеседник.

– Грибы испорченные попались, что ли. Говорила ведь Егору, никаких масс-маркетов, – бурчу себе под нос.

Продолжая держаться за меня, впиваясь острыми когтя-

ми, эта белочка продолжает понукать меня нижними лапками и дергает в сторону этого… К порталу, она сказала?!

– Ааа! – я верещу и сбрасываю ее.

Она падает напротив меня, мягко приземляясь на лапки, а у меня от страха кружится голова, в горле пересыхает, отдавая неприятной горечью. Эт-то ч-что… Мне показалось, или со мной действительно говорила белка? Глюки? Я в дурке? Розыгрыш? Последнее, что помню, так это крики мужа, толкающего меня к перилам набережной, а после вода, удар и темнота.

– Г-говорящая б-белка, – тыкаю в нее пальцем, отползая в сторону, прижимаясь к грязной стене, пачкая свой уже серый верх.

Руки у меня дрожат, рот открыт, глаза явно размером с пять копеек. Щипаю себя за кожу, надеясь проснуться, но не срабатывает. Да уж… Чем ты думаешь, Ленка? Как же это сработает, если даже скальпирование волос когтями этой белки не помогло мне прийти в себя. Я всё еще тут, а негодница стоит, уперев лапы в бока на человеческий манер, потрясая гневно топорщащимися кисточками.

– Г-говорящая п-пекарка, – явно пародирует меня пушистая мелочь язвительным, писклявым голосом.

Сглатываю, смотрю на портал и топаю ногой, встряхивая головой, но реальность остается прежней. Всё также я, белка и светодиодное представление.

– Не язви, – поднимаюсь и делаю несмелый шаг к свету. –

Это точно нас не убьет?

– Да мы скорее тут от голода загнемся! Шагай, давай!

Ой, мамочки, попала, так попала!

Мозг лихорадочно работает. Смотрю по сторонам, но выхода, кроме пугающего портала, не вижу. Но он так сияет… Недружелюбно. Страх сковывает ноги, колени дрожат.

– Так, собралась! – кричу боевой клич, зажмуриваюсь и бегу в его сторону, забыв про говорящую белку.

Раскрываю глаза и, как только добегаю до портала… Он просто схлопывается, а я… Встречаюсь носом со стеной. Со стоном падаю на пятую точку и слышу какой-то странный рычащий звук. Поворачиваюсь, пугаясь, а это всего лишь белка трясется и… Смеется надо мной?!

– Подлая человечка. Меня бросить хотела? Ну ничего, тебе явно надо было не кексы печь, а клоунессой работать, пекарка! Арх-рх-рх, – ухахатывается животное, держась за брюшко.

Я привстаю, но ноги отказываются держать, поэтому просто ползу в сторону зверька, свидетельствующего о моем явном душевном расстройстве. Может, вокруг меня палаты дурки, а белка – это белочка, словленная за… Да нет, я же не пью… Или пью?

Ну не может телепортация посредством порталов существовать в реальности. Да чушь это собачья!

– Белочья, так говорить правильней, – поправляет меня глюк.

– Что? – ее слова сбивают меня с толку.

– От собак, и правда, толку нет, – кивает она, убеждая меня окончательно в том, что она – плод моих фантазий.

Ну разве может кто-то иной мысли читать?! И тут слышу какой-то писк снизу. Наклоняю голову, всматриваюсь, а затем со скоростью света вскакиваю и кричу на пределе децибел.

– А-а-а, – отпугиваю, видимо, какую-то крысу.

От моего крика белка подпрыгивает, а заметив длинный хвост этой крысы, виляющий из стороны в сторону, запрыгивает на меня.

– Отцепись! Ты разве не должна на нее охотиться? – тяну ее за шкирку, а сама прыгаю на ногах, балансируя чисто то на одной, то на другой.

Та только сильнее вцепляется коготками в мое плечо и орет мне в ухо:

– Ты совсем на голову отпекаренная? За крысами охотятся кошки! Ты где увидела во мне блохастую? – пищит зверек возмущенно.

А затем мы обе видим целую толпу кишащих крыс, выбегающих из всех щелей, превращая пол в стелющийся бело-черный ковер.

– И что делать? – высоким голосом, полным неподдельной паники, спрашиваю у говорящей белки, явно смиряясь, что я того, ку-ку.

– Вон дверь, бежим туда! – понукает меня пятками, если

они у нее есть, конечно.

Я гляжу в ту сторону и, не раздумывая, несусь на всех парах, вот только нас обоих ждет разочарование.

– Мы заперты! – раздается мой паникующий крик после упорных дерганий дверной ручки.

– Мы все умрем! – визгливый голос белки, которая явно не в себе.

И наш обоюдный крик перекрывает пищание крыс. Вроде слышу, что снаружи что-то происходит, даже вроде как звучат мужские голоса, но мне не до этого, по штанине забирается несколько крыс. Я их сбрасываю и двигаю ногами так, словно я на раскаленных углях исполняю ритуальный танец индейцев.

– Ты была явной лузершей в «Пол – это лава», – не перестает иронизировать белка, несмотря на окружающую нас опасность.

Будь мы в безопасности, я бы фыркнула и закатила глаза, раскрутив белку за хвост и запустив в небо, но сейчас вынуждена согласиться. Снова какая-то крыса добирается почти до моего бедра, белка на плече верещит, снаружи – галдеж, и тут вдруг резко темноту разрезает свет. Щурю глаза с непривычки и вижу странный силуэт маленького человечка.

– Бежим! Не тупи! – кричит белка, понукая меня нестись к выходу сломя голову.

И я подчиняюсь, отталкивая человека, вставшего на моем пути. Пробежав несколько метров, снова падаю, запнувшись

обо что-то, разбивая коленки и руки. Да что ж это такое! Встряхиваю головой, чертыхаюсь и только потом поднимаю голову. А там…

– Фу, змея! – кричу и отползаю, даже не удосужившись встать, так что протираю одеждой грязный пол.

Белка верещит вместе со мной, словно являясь моим дьявольским отражением. Хвост начинает двигаться с тихим скрежетом, а я чуть ли не в обморок хлопаюсь. У меня ведь боязнь змей… Я что, умерла и попала в ад?

– Мамочки, – стону и вдруг натыкаюсь сзади на чьи-то ноги, а затем слышу мужской голос:

– Это оскорбление члена правящей семьи? Мне стоит бросить вас в темницу, – фыркает вдруг кто-то спереди. – Не стоило позволять Дворфу вас спасать.

От шока я поднимаю взгляд и замечаю, что это… Говорящая змея… Только вот верх-то очень даже… Человеческий…

– Это наг, неуч! – бьет меня лапой по голове уже почти родная белка. – Чему тебя в школе учили? Совсем бестолковая. Ой, и намучаюсь я с тобой, пекарка.

Передо мной стоит явно кто-то мужского пола: сверху тело мужчины, снизу – огромное змеиное туловище. А как хорош… Крепко накачанный торс, местами покрыт гранатовой чешуей, огромная коса, которой только позавидовать, учитывая мои жидкие белесые волосенки.

Ахаю и снова щипаю себя за руку, но прекрасное и страш-

ное видение не пропадает. И вдруг стоящий сзади парень выступает вперед, кланяясь полумужчине-полузмею, отчего я заваливаюсь на спину, потеряв опору в виде его ног. Открываю в удивлении рот, видя перед собой мальчика лет тринадцати, не больше.

– Простите, ваше высочество! Моя госпожа недавно получила травму и не в себе. Она не ведает, что творит. Прошу вашей милости! – еще сильнее склоняется в поклоне мальчишка.

Наг, или кто он там, приподнимает бровь и окидывает меня и белку внимательным притязательным взором. И я вижу в его глазах наше отражение – всколоченная девица с лохматыми волосами, будто упала с сеновала, и белка, восседающая на ее голове с глупым деревенским выражением на морде.

– Сама деревня! – вдруг бьет меня мохнатой лапой чуть ли не в глаз.

Я дергаюсь, и это явно играет в нашу пользу.

– Это видно, – вдруг фыркает мужчина, но в глазах его теперь я вижу жалость и даже капельку презрения.

Он отворачивается и ползет к стоявшей рядом карете. Я наблюдаю за тем, как наг располагает свой хвост внутри кабинки. Пропускаю тот момент, когда мимо меня бежит какой-то коротыш и садится на место кучера. Он пристегивается, свистит, а после звери-ящеры, разминая ноги, несутся вперед. Карета трогается и скрывается с места преступ-

ления. Тьфу блин, Ленка, харе криминальные сериалы смотреть, уже умом явно тронулась.

– Дела… – тянет белка и бьет меня хвостом по лицу.

Я с ней солидарна и только киваю, находясь в ступоре. До меня начинает доходить, что я явно не дома. Невиданные мной ранее деревья, точно не прорастающие в России, сиреневое небо с ромбовидным светилом, даже земля и та, будто выгорела, став бесцветно-серой. Замечаю странную улочку, по которой разъезжают кареты, запряженные разными существами от ящеров до обычных лошадок, конусообразные дома, окружающие нас со всех сторон. И начинаю понимать, что всё это не сон и не психбольница.

– Мухоморы мне в блюдо! – попала так попала ты, Ленка.

Привстаю, деловито отряхивая подол платья.

– Госпожа, вам нужно срочно спрятаться, – кидается ко мне мальчишка и толкает меня в сторону стоявшего рядом здания, в котором и находился этот портал.

Я же упираюсь пятками в землю и поджимаю губы.

– Ты кто? И что здесь происходит? – грозно, как мне кажется, произношу и складываю руки на груди.

Не горю желанием возвращаться в это здание, полное омерзительных крыс. На идиотку я вряд ли похожа. Краем глаза замечаю, как белка зеркалит мою позу, проделывая тоже самое.

– Ох, госпожа, вы совсем плохи, – заламывая руки и трясясь, парнишка стоит с таким жалостливым видом, что меня

на секунду пронимает. – Давайте вас спрячем, скоро придет лорд Девин.

– Какой еще лорд? – закатываю глаза, защищая свою психику. – Это постановка какая-то?

Делаю последнюю попытку, чтобы окончательно убедиться, что это не какой-то глупый розыгрыш.

– Пожалуйста, госпожа, идемте, иначе худо будет. Вас признают невменяемой, а таверну присвоит ваш дядюшка, а меня… Выгонят, – слабым голосом, полным страха, произносит мальчишка. – Я не хочу в каменоломни, госпожа, прошу вас!

В этот момент что-то щелкает в моей голове. От его слов про таверну я проваливаюсь в собственные воспоминания.

Глава 2

«Я нашел другую… Ты можешь… Думать только о работе… Снулая и холодная… Подаю на развод… Собирай вещи, квартира досталась мне… И ресторан…»

– Госпожа, вставайте! – после этих слов на меня выливается ушат холодной воды.

– А-а-а! – вскрикиваю и подрываюсь, тяжело дышу и оглядываюсь по сторонам со страхом и опаской.

– Слава хранителю, вы очнулись, – звонкий мальчишеский голос вырвал меня из кошмарного сна, где мой муж после семи лет брака завел себе молодую любовницу, а меня…

– Это не сон… – доходит до меня, когда я вижу, как к моему лицу приближается наглый пушистый красный хвост.

В этот момент подросток с каштановыми вихрами, которые торчат в разные стороны, почесывает свое лицо, покрытое россыпью мелких еле заметных веснушек. Обращаю внимание, что одет он в льняную рубаху, подпоясанную жгутом, и легкие шаровары с заплатками. Опускаю голову на себя и ахаю, замечая, что и сама я одета в какое-то длинное платье с передником поверх него. Ладно бы, передник, я ведь повар, мне не привыкать, но вот остальное, да и обувь… Неужели я, перейдя через портал, обзавелась сразу же другой одеждой? Мне срочно нужно зеркало!

– А где… – хочу спросить у пацаненка, где моя комната.

А что? Наглость – второе счастье. Да и раз он меня узнал, значит, я похожа на его госпожу. Так что нужно пользоваться его добротой, пока эта тетка не вернулась. А уж потом малине и лафе придет конец.

Внезапно раздается стук в дверь. Громкий такой, твердый, словно по ту сторону стоит кто-то весьма нетерпеливый и раздражительный. Парниша выпучил глаза, заламывая руки. Вся его поза говорила о еле сдерживаемой панике. Мозг начал лихорадочно работать, обдумывая ситуацию, в которую я попала. Но страх в глазах мальчонки, да и собственное непонимание ситуации не способствуют спорой работе мысли.

– Срочно прячьтесь, госпожа, я разберусь сам, – суматошно начинает дергать мальчонка руками, толкая нас к лестнице, когда неприятный стук повторяется.

Белка, наглая пушистая зараза, всё это время, как оказалось, лежала на моей голове, зарывшись в волосы, устроив тем самым там себе гнездо. И надо же было именно своим хвостом постоянно лезть к моему лицу аки кошка. Ухмыляюсь. А говорила, что не из блохастых. Ну-ну. Выдрать белку из своих волос оказалось той еще задачкой, но я смогла, пусть и не с первой попытки, и с чувством выполненного долга выдохнула, а уже после, держа эту пакость подмышкой, побежала по лестнице вверх.

Мальчишка в это время бежит к входу, а затем я слышу неприятный скрежет открываемого засова. Останавлива-

юсь на полпути, проявляя любопытство. А что, вмешиваться не буду, так хоть посмотрю на нового представителя этого странного мира. Может, и драконы существуют, и тролли? Интересно, что за существо сейчас передо мной предстанет?

– Чего так долго, босяк? – злой мужской голос, вызывающий у меня озноб по коже.

Да уж, кто бы это ни был, он мне явно не понравится. Опускаю голову вниз, а там… Обычный человек…

– Хватит дрыхнуть! – цокаю на сонно зевающую белку, словившую, видимо, от свежего воздуха, белочку.

– Ась? – приоткрывает пушистая зараза один глаз, затем второй.

– У нас ЧеПе, – демонстративно протягивая букву «е» вместо «э», хлопаю белку и снова смотрю на неприятного гостя.

Обычный мужчина лет пятидесяти, с лысиной и большим пузом. Глазки-бусинки, заплывшие жиром щеки и явно три подбородка.

– Господин, это всё, что есть, – раздается грустный голос мальчишки, чьего имени я до сих пор так и не знаю.

– Пять золотых? Ты смеешься? – рычит мужик, а мальчик только понуро опускает плечи и весь скукоживается. – Где эта паршивка Елинария? Пусть немедленно спустится, ну я задам ей.

– Это кого он паршивкой назвал? – вдруг полностью просыпается белка, шерсть ее топорщится от негодования.

Шустрая белка поднимается по тонкому убогому платью, царапая мою кожу своими коготочками сквозь нее, и, забравшись на плечо, устраивается там в боевой наблюдательной позиции.

– Госпоже плохо после инцидента, прошу вас, дела в таверне совсем плохи… – пытается в этот момент воззвать к чужой совести парнишка.

Мужик в ответ сплевывает на пол таверны, дает затрещину пацану и уходит, попутно выругавшись, упоминая почему-то родню этой самой Елинарии. Я же пылаю вместе с белочкой праведным гневом. Так и хотелось спуститься и надавать тумаков этому толстому жирдяю, который даже в проем двери не помещается, но здравый смысл держит меня на месте. Чую, после моей выходки ей может прилететь. Так что терпение, Ленка, терпение.

– Где эта Елинария? – возмущенно спрашиваю у белки, хотя знаю, что ответа не получу. – Совсем обнаглевшая, ты видала, как пацану досталась? Нормальная госпожа должна быть горой за своих людей.

Упираю руки в бока, подтверждая свои слова действием.

– Елинария – это ты, тупица, – закатывает глаза зверек. – Тебя Тиль так называл, пока тащил. Надо же, худющий, как смерть, а твою тушку-то дотащил.

И цокает, обводя мои телеса своим непритязательным осуждающим взглядом.

– А это что за пузо? Что захомячила, пока я в отключке

валялась, а? Признавайся! – кидаю ответку этой наглой белке, на что она возмущенно фыркает и пищит.

Вижу, как ее усы смешно дергаются, и еле сдерживаю желание расхохотаться в голос. За этим следует оскорбленный взмах красноватым хвостом, за которым прячется насупленная мордочка.

– Да всего один желудь… – пыхтит белка, и только сейчас я понимаю, что даже имени ее не знаю. Она закатывает глаза на мой скептический взгляд. – Ну ладно, два, или три… А может, и пять…

– Можешь не продолжать, – хихикаю, щелкая ее по ушам. – Ты мне лучше скажи, как имя-то твое? И кто желуди тебе поставил, хитрюга? Своровала, поди?

У наглой пушистой вытягивается мордочка, затем она косит глазом вправо, после влево. И вдруг заваливается на спинку. Еле успеваю подхватить эту притворяющуюся сурикатом при виде орла прохиндейку, устраиваю на ладонях, как вдруг по лестнице поднимается с понурым видом мальчишка Тиль, как назвала его рыжая белка.

– Госпожа, – стонет он и смотрит на меня виноватым взглядом. – Простите, что не удалось собрать нужное количество золота. Но сегодня вечером я попытаюсь продать кастрюли, может, выручим оставшиеся пять золотых. Иначе дядька ваш не отстанет.

– Дядька? – спрашиваю с интересом, даже белка перестает притворяться и приоткрывает в любопытстве один глаз.

– Да, – печально кивает понурый мальчишка, мы вместе в это время преодолеваем ступеньки на второй этаж. – Господин Девин, брат вашего батюшки, пусть земля ему будет пухом, в последнее время совсем озверел… Ой, простите, госпожа, я не хотел оскорблять…

И смотрит на меня с ужасом, словно я его накажу, отчего нехорошие подозрения закрадываются в душу.

– Продолжай, Тиль, – киваю и улыбаюсь по-доброму.

– Ишь, застращала пацаненка, больно шуганый и хлипкий, у-у-у, извергша, – потрясает кулаком в воздухе белка и смотрит на меня почему-то с возмущением.

– Чего пялишься? Я тут причем? – приподнимаю бровь и смотрю на белку вопросительно. – Память рыбья, что ли, блохастая?

Или у нее мозги отшибло, что мы как бы вместе здесь – новые лица, так сказать.

– Ой ли? – щурится белка, цокает, глядя на меня. – А может, ты того? – ведет лапкой вдоль горла весьма демонстративно. – Замордовала пацаненка, а сама тут притворяешься? А? – приближает свою морду близко к моему лицу, еще и пыхтит тяжело. – А хотя, нет, я ж тебя помню в парке, ох, и весело было, когда я в тебя желуди кидала.

Хмурюсь, вспоминая, что да, возле набережной был парк, в котором я частенько гуляла и… Получала по голове, списывая это на случайности. А оказывается….

– Ты такая вредная, как та теть Зина с третьего этажа, так

что будешь у меня Зинкой, – цокаю, находя идеальный способ мести.

Зинка только хочет возмутиться, как вдруг…

– Госпожа, вы говорите с белкой? – в ужасе попискивает забытый нами мальчишка, отступая на шаг назад. Глазки расширил, рот ладошкой прикрыл аки барышня перед обмороком.

Переглядываемся со зверьком, а затем до меня доходит, что ее-то, получается, никто, кроме меня, не понимает, выходит?! Ой-ой, и что делать? В местной дурке оказаться как-то не хочется, или куда там забирают тех, у кого крыша едет? Срочно нужно что-то придумать…

Мысли хороводом кружили в голове, а белка не переставала щебетать мне в ухо, сбивая с работы мысли.

– Ну всё, хана тебе пришла, я-то упрыгаю или затарюсь где, а вот ты у нас дама большая… – цокает и снова глядит на меня ехидно.

Ахаю и мысленно даю ей затрещину, но при Тиле как-то не комильфо, а то первым побежит сдавать меня типам в белых халатах.

– Хорошего человека должно быть много! И вообще, тихо ты, а ну-ка цыц, ты меня с мысли сбиваешь! – шиплю не менее по-звериному, пока пацан отвлекается на испачканную обувь.

– Эм… Понимаешь, Тиль… Тут такое дело… Как бы это сказать-то… Я, кажется, сильно головой приложилась, когда

в подвале была… – не нахожу ничего лучше, как списать всё на ту ситуацию, в которую угодила.

Перед глазами тут же появляется змеелорд, окинувший меня брезгливым взглядом. Не то чтобы меня это задело, но… Даже себе не готова признаться, что привлек меня он, ух, я бы… Ай, молчи, Ленка, пока тебя твоя любвеобильность до очередных проблем не довела.

– Ох, госпожа, я и забыл с этим золотом про вашу травму, идемте, вам нужно отдохнуть, – кивает с грустным видом и тянет меня в одну из комнат, даже, кажется, забывает, что я того, ку-ку. – Вы же знаете, как опасно в подвале, там же кринолийские крысы расплодились, вас могли съесть. Хорошо, что я увидел, как вы зашли туда, всё пытался открыть дверь, но она закрыта почему-то была. Большая удача, что его высочество проезжал мимо.

Он так охвачен страхом перед этими грызунами, что даже говорит шепотом, оглядываясь пугливо по сторонам, будто они услышат его и утащат в свою нору. А вот фраза про спасшего нас мужчину меня заинтересовала. Тогда я не обратила внимания на это, а сейчас любопытство подняло свою голову. Принц, значит?

– Ты прав, я натерпелась такого ужасу, – мы с Зинкой театрально приложили руки к голове.

Ну как, я-то руку, а эта хулиганка – лапку. Единственное, из его слов я поняла, что всё же никакая госпожа Елинария не появится. Раз она зашла в подвал, а мы с белкой появи-

лись из портала, то выходит, что тетка-то на моем месте оказалась? Так, да? Ох, час от часу не легче. А если я умерла, то бывшая хозяйка тела… Черт…

– Ты не удивляйся, Тиль, что-то мне и голоса странные мерещатся, да и не помню жизнь-то свою, – вижу кровать и ложусь на нее, закрывая рукой лицо так, чтобы пацан не увидел, как я сдерживаю смех. А затем, дабы удостовериться в том, что он на моей стороне, приоткрываю один глаз. – Не поможешь мне, а? А то как погляжу, дел у нас с тобой много, как бы я проблем не наворотила, жалко будет, если тебя в приют сдадут. Или каменоломню, ты говорил?

Решила я давить на больное, авось прокатит, иначе и не знаю, какую отмазку придумать. А эта его госпожа вроде как с ним в одной каше варится, или как там… Лодке плавается? Тьфу, блин, совсем запуталась с этими вашими порталами. Парниша тем временем еще сильнее выпучил глаза, что зенки вот-вот и выкатятся.

– Фу, я их ловить не буду, – смешно сморщила мордочку белка, снова бесцеремонно прочитав мои мысли, отчего ее передние два зубика вылезли, делая мордашку потешнее.

Я пока игнорировала ее, чтобы не казаться еще больше ку-ку, чем уже… Смотрела, затаив дыхание, на смену эмоций на лице парнишки. Ну давай, миленький, давай, хороший мой… Клюнь…

– Ой, горе-то какое! Конечно, помогу, госпожа! И расскажу! Всё что угодно спрашивайте! Нельзя, чтобы дядюшка

ваш, лорд Девин, про то прознал, иначе беде быть.

Я покивала, улыбаясь, и решила начать с самого начала.

– Какое мое полное имя? – прикусываю внутреннюю часть щеки.

– Елинария Безетирами, – удивляет он меня, а вот белка зажимает рот лапой, словно вот-вот и расхохочется.

Ага, понятно, ну хоть с этим разобрались. Исходя из моей дедукции выходит, что таверна всё же принадлежит официально мне, по наследству от покойного отца, а дядя тут каким боком? Привстаю и оглядываю убранство комнаты. Кровать, тумба, старое зеркало и захудалый шкаф с покосившейся дверцей. Н-да, негусто.

– Тиль, а почему мы платим золото дяде? – вот что меня беспокоит больше всего.

Я присела на кровать, отчего та издала тихий скрип. Раз уж выяснять, то всё, а самое главное – это проблема, которая сейчас у нас имеется.

– Да, Шерлок! В твоей большой голове есть мозги! – ехидный голос ворчуньи над ухом.

Я дернула плечом, скидывая назойливую белку, пока она нас не спалила. Мальчик почесал голову, задумавшись, а после его постигло озарение.

– О том не ведаю, госпожа, всё же я так, принеси-подай. Только знаю, что вы, госпожа, во всем слушались дядьку и боялись сильно. Всегда, когда заходил, дергались, а потом ходили смурная.

Что-то во всем это нечисто… Точнее, кто-то. Если я правильно поняла, то таверна принадлежит мне, то есть Елинарии, а что это значит? Правильно, долой всяких акционеров! Тьфу ты, блин, иждивенцев. Главное, не выдать чего такого вслух при местных, а то сожгут, поди, на костре, как иноверную. А дядька этот, получается, просто так, понимаете ли, к кормушке прибился. Ишь, какой наглый. Надо бы проверить, точно ли он не имеет прав на таверну? С другой стороны, мужик не похож на глупца, скорее, на человека, которому палец в рот не клади. Чую, Елинария эта той еще бестолочью была. Либо закон тут иной, либо я чего-то не знаю или не понимаю. Но прогибаться под какого-то дядьку? Ха, и еще раз ха! Остается только один вопрос для полноты картины.

– Тиль… Скажи, а я точно твоя госпожа? Ну… То есть похожа?

Мальчик выпучил в недоумении глаза, покачал головой, взял меня за руку и подвел к зеркалу. Небольшое такое, в углу стояло, вытянутое и узенькое, с потертостями на краях. Но больше меня поразило то, что я там увидела. Это была я и не я одновременно. Нос будто стал капельку меньше и более вздернутым, губы розовее, да и вообще, помолодела я немного. Отражение в зеркале раскрыло глаза в удивлении и даже приоткрыло рот. Новый мир, а габариты те же… Эх, ну почему всё не как у людей? Другой мир, а я по-прежнему толстушка. Ну почему я не могла попасть в тело худосочной

красотки? Критично оглядела свой жирок, планируя с ним расстаться. Уж в этом мире точно похудею! Точно-точно, и нечего глядеть на меня так, Зинка!

– Тиль, пойдем на кухню. Будешь учить меня всему, как там что у вас делается. Нужно ведь вспоминать, – во мне проснулся предприниматель, так что решила сразу взять за быка рога… Рога быка… Тьфу, блин.

Зина вскарабкалась по подолу и заняла свою излюбленную позу на моем плече. Уже воспринималась мною, как третья рука, или же нога… Родная, короче.

– Кто-то сказал “кухня”? – заинтересованный голос белки полон восторга, мне даже кажется, что у нее из пасти слюна течет. – Где кухня, там еда! Кухня – это хорошо, – добавляет она, уже не видя, кажется, перед собой ничего, потирает лапками в предвкушении. – Идем! Чего ты встала?

– Хорошо… Госпожа, вы совсем ничего не помните? – доносится со спины жалобный голос Тиля.

Ну почему же? Помню, как мой муж-мудак отжал у меня бизнес и квартиру, за которую мы вместе платили ипотеку. Помню, как смотрела свой любимый кулинарный сериал по ТВ каждые выходные. Но не скажу же я этому пацану всё как на духу. Он кажется чувствительным, да и кто знает, в курсе ли здесь вообще о таких, как я. Это в книжках любовных про попаданцев все героини такие мэри-сью, да коня на скаку остановят, а тут я… Повариха…

А вот как пользоваться кухней другого мира пока что ума

не приложу. Ну ничего, деваться-то некуда. Будем вживаться в роль! Ведь теперь я – Елинария Безетирами! А не какая-то там Ленка с первого подъезда. Где наша не пропадала. Ух!

– А фамилия-то какая у тебя вкус-с-сная, – прошипела белка, облизываясь маленьким язычком. – Аж слюнки потекли.

Оу, кому-то явно надо срочно покушать, а то того и гляди, мной полакомиться решит. Уж больно плотоядно на мое плечо косится эта интриганка.

– Ничегошеньки не помню, Тиль, – говорю пацану, разводя руки в стороны и корча грустную мордашку.

Обманывать ребенка, конечно, плохо, но это лучше дурки… А сама после всего оглядываюсь по сторонам первого этажа уже другим взглядом. Неужели это всё мое? Такое ощущение испытывала только в тот момент, когда открывала свою первую забегаловку в своем земном мире. И пусть там была бомжацкая свалка рядом, но ведь свое… Родное… Уи-и-и… Ну и пофиг на этого Егора-предателя, из него же что повар, что бизнесмен аховый, развалит всё в первый месяц, как пить дать. А мы тут по сусекам наскребем, да как станем знаменитостями!

– Харе тут мечтами пол заливать, поварешку в руки и давай, сваргань мне поесть, – тянет за волосы наглая Зинка, спуская с небес на землю.

Глава 3

Кухня представляет собой жалкое зрелище. Повсюду разруха, пыль, сломанное окошко, из которого поддувает. Создается такое чувство, будто на ней никогда не готовили! Когда там пропала прошлая хозяйка? Даже дровница пустая, а про нагар на чугунках, стоящих рядком на каменной печи, и говорить нечего. Покосившийся грубо сколоченный стол для разделки мяса просто добил мое нежное чистоплотное сердечко.

В помещении еще было две двери: одна ведет в кладовку, в которой есть подвал, в нем как рассказал Тиль, можно хранить мясо и копчености; а вот вторая – на задний двор. Решаю пока провести инспекцию кухни и кладовки, тем более, что у самой уже тоже урчит желудок.

– А как тут готовить? – с разочарованием оглядываюсь вокруг: какой-то вертел, котлы, прихваты, кочерга, как у моей бабули была.

Единственное, что порадовало, это большая печь с встроенной летней, чуть поменьше, на ней будет проще готовить, например, при малом скоплении народа.

В углу замечаю мешок с чем-то черным, подхожу и вижу уголь, а сзади дрова.

– Мы все умрем, мы все умрем, – высоким тоном голосит Зинка, перебегая с одного плеча на другое, от паники цеп-

ляется и тянет меня за волосы.

И я ее понимаю, последнее, что помню, как лет в пять бабушка делала рагу в такой печи… И… Собственно, всё.

– А что у нас из продуктов есть, Тиль? – оборачиваюсь на пацаненка, который всё время с интересом наблюдает за белкой.

– Вы хотите готовить? – в его голосе звучит откровенный ужас, что навевает на меня подозрения.

В этот момент даже белка замолкает.

– А кто обычно готовит? – мы с Зинкой во все глаза смотрим на пацаненка.

– У нас была повариха Орния, она из гномов, но ее декаду назад в таверну “Кривой Рог” позвали, – пожимает худыми плечами мальчишка. – Вот как она ушла, так всё, даже бродяжки к нам перестали ходить.

Его слова вызывают во мне нерадужные мысли. Это что получается, таверна и не таверна вовсе, а бомжатник?! Постигший меня попадос отозвался громким урчанием в голодном желудке.

– А чем вы сами питаетесь? – спрашиваю и, только после того, как глянула на выражение его лица, понимаю, какую допустила ошибку. – То есть мы, конечно же, мы, Тиль, – закусываю губу от нервов.

– Лучше бы язык прикусила, ватрушечка! – пискнула Зинка из-под копны моих волос.

И вдруг раздается какой-то странный звук. Поворачиваю

голову, нахмурившись, но источника найти не могу.

– Ох, нужно же покормить Хельгу, простите, госпожа, я совсем забыл, – восклицает тут же Тиль и бежит в сторону второго выхода, который ведет на задний двор.

Мы с Зинкой переглядываемся и идем следом. Уж больно интересно, что это за животинка такая.

– Ну хоть отожму еду у этой Хельги, а то дождешься еды от вас, – бурчит и устраивает топотушки на моем плече белка, словно подгоняя меня идти быстрее.

Закатываю глаза и чуть ли не вываливаюсь наружу, споткнувшись о порог и пропахав подолом влажную землю.

– У, растяпа бестолковая, – бьет лапкой по шее Зинка, чего-то фырчит, и это, оказывается, ее смех.

– Сейчас кто-то голодный останется, – угрожающе потрясаю кулаком, а затем отряхиваю одежду, но это уже бесполезно.

Грязь уже въелась, оставляя черные грязные разводы. А затем снова слышу блеяние… Обычной козы?

– Тьфу ты, ну ты, трава, – сплевывает демонстративно Зинка.

Мы наблюдаем, как в углу двора стоит загон, в пределах которого стоит коза и жует из ведра траву. Тиль копается в другом углу, а затем идет и протягивает животинке что-то оранжевое.

– Морковка-а-а, – вдруг подскакивает белка и капает слюнями мне на плечо, а затем жамкает лапками и протягивает

их вперед. – Дай-дай-дай.

– Молоко-о-о,– протягиваю в это время я, в глазах тут же возникает куча идей, как бы нам тут развернуться.

В общем, мне удается сдержать белкину тягу к воровству, а скорее, к гопничеству, и попросить Тиля надоить козу. А сама в это время иду обратно на кухню и делаю ревизию скудного количества круп.

– Тиль, а ты умеешь печь растапливать? – тыкаю найденной кочергой в это чудо древней техники.

– Так это дело нехитрое, – машет рукой, словно это так, пустяк на пять минут. – Сейчас всё будет, госпожа.

Нахожу на одной из полок глиняные горшочки, промываю одну из лейки, решив позже уточнить, а как потом отмывать все котлы после еды. А пока рассматриваю подозрительного вида крупы, которые могут пойти на кашу.

– Что-то я есть перехотела-а-а, – тянет Зинка, следуя за мной по пятам. – А может, домой? Обратно? Дома как-то веселее, да и запасы мои не ревированы… Ревзированы… Тьфу ты, ну ты!

Она не договорила, вон как язык заплетается, но я и без этого нужный посыл уловила.

– Ты же сказала, я их уничтожила, – ехидничаю в ответ.

– Так я про Степкины, – строит морду кирпичом, – А то ишь, хвост свой подкатывает, а это что значица? А это значица, что все его запасы желудей – мои.

– А твои – его? – подначиваю эту хулиганку-интриганку,

уж больно интересно с ней беседовать.

Давно мне так весело не было, но говорить я стараюсь потише, благо пацан занят печкой.

– Что? Еще чего! – вдруг начинает возмущаться и попискивать Зинка, потрясая лапками. – Он – самец, а я – самка, вот он пусть и обеспечивает нас провизией… Ишь, позарился на мои орешки…. Ням-ням.

Еле сдерживаю смех от ее возмущений. Что-что, а самки… Тьфу, блин, девочки… Они и в животной шкурке девочки, тем более, с земли.

– Это черный рис, а это далия, – подбегает вдруг Тиль, отвлекая нас, и тыкает пальцем то в один мешок, то в другой. – Из них можно как раз кашицу сготовить на воде. Пропарить хорошенько, тогда и будем сыты. Видел, как Орния так делала, к нам завсегда за ней и приходили поутру.

Скептически смотрю на него, понимая, что не шибко балуют они себя и гостей едой. А уж чем и как зарабатывают – это отдельный вопрос, которым мы и займемся чуть позже. А сейчас начнем осваивать местную печь. Как только та накаляется, ставлю на нее горшочек, заливаю молочком, а после, следуя собственным рецептам в голове, добавляю черный рис. Зинка бухается в обморок на доске для разделки, обмахиваясь своим хвостом на манер веера.

– Какой у-у-ужас, – протягивает на ультразвуке.

– А ну цыц! Пока тебя не разделала! – ставлю на место распоясавшуюся белку, на кухне может быть только одна хо-

зяйка, и это я.

Постоянно помешивать варево не получается, ведь руку в печь не засунуть, так что нет-нет, но достаю прихватом и проверяю, наблюдая, как постепенно крупы разбухают, и каша всё больше начинает напоминать мне… Я бы сказала съедобное, но черное месиво, которое даже белое молоко не осветлило, наводит на нерадужные мысли. Минут двадцать спустя зачерпываю немного черного варева и пробую. Но вкуса пока с непривычки не чувствую.

– Кажется, готово.

Так что, вооружившись полотенцем, как оказалось, нарукавников здесь тоже нет, ставлю всё это добро на стол.

– Ну, – скептически говорит Зинка, перепрыгнув на стол, и принюхивается к приготовленной пище, – кто первый на отравление?

Поднимает голову, глядя на нас со скепсисом во взгляде, я же в возмущении приподнимаю бровь.

– Не знал бы, что это невозможно, госпожа, подумал бы, что белка у вас говорящая, – подает голос Тиль, так же, как и я, наблюдающий за дергающей хвостом белкой.

Сдерживаю улыбку и открываю снова шкаф, достаю там три деревянные чашки, из-за чего снова ловлю на себе странный взгляд мальчика.

– Зверь будет есть из нашей посуды?

Тиль, может, Зинку-то и не слышит, а вот она-то наоборот. Вон как усы после его слов агрессивно встопорщились.

– Где ты тут усы увидела, безешка? – снова читает мысли, нарушая мои личные границы. – И убогому этому скажи, пусть сам со своего ведра хлебает. Ну-ка давай, накладывай мне кашки. Ням-ням! – вооружилась найденной где-то чайной ложкой рыжая бестия.

– Какого ведра? – машинально переспрашиваю, но сама подхожу и накладываю в три миски кашки… Страшно-черной, но запах довольно приятный.

Живот урчит, а сама я с опаской подношу ложку ко рту. Две пары глаз внимательно наблюдают за мной, почти заглядывают мне в рот. Ну-ка, попробуем местные харчи отечественного производства. Ой, как бы самой не травануться, туалет-то местный я еще не видела. Чую, ждут меня трудные времена.

Каша вышла не такой уж и плохой, как все ожидали, вот только мне бы сахару. Всё же сладкое – это моя слабость, эх, оттого и спасательные круги на талии. Незаметно пытаюсь потрогать себя за отъеденные килограммы, но две пары глаз периодически нет-нет, да зыркают на меня, так что конфуза было бы не избежать. В общем, оставляю это на потом. Надо бы разузнать, есть ли тут аналог весов.

– Ну лады, не умрем, – фыркает Зинка, облизывая чашку до самой последней рисинки, а затем поднимает свой любопытный черный нос, принюхиваясь в воздухе и демонстрируя свою измазанную в каше мордочку.

– Не велика беда, – закатываю глаза, но говорю еле слыш-

но, а то от этой язвы сто-пятьсот слов в ответ потом услышать можно.

Вот же вредная белка попалась. Нет, чтобы песель какой вместе со мной в портал вошел, так нет же, подсунули боги или кто там пакость белочью.

– Но-но-но, – тут же откликается она на мои мысли, облизнув при этом юрким язычком чашку снова. – Я, между прочим, полезная, нашла для тебя кое-что по спецзаказу.

Поднимает лапку вверх, приподнимает нос и движется в направлении, одной ей ведомому. Юркает туда-сюда по полкам, заглядывает во все банки, прикрывает глаза, а затем восклицает:

– Бинго! Зырь, че надыбала, – даже приплясывает на месте от избытка эмоций.

Ее гопнический сленг начинает меня умилять, особенно, глядя на тщедушное в противовес голосу тельце.

Подхожу ближе, в это время Тиль как раз наслаждается кашей, ест медленно, смакуя каждую ложечку. Это вызывает во мне жалость, неужели его совсем здесь голодом морили?

– Что тут? – вздыхаю и зеваю, прикрывая ладошкой рот.

А затем, взглянув на содержимое банки, на которую указывала Зинка, ахаю и беру ее в руки. Пыльца! А это что значица? Мед! Белка пытается своими лапками оттяпать у меня вожделенную вещь, поддевает коготочками крышку, но куда ей, тщедушной. Забираю обратно и проворачиваю деревянную крышку, а затем наклоняюсь, почти засовывая нос

внутрь. Ммм! Вот это запах! Каюсь, до меда я охочая бабенка, как любил поговаривать мой бывший. Настроение при мыслях о Егоре тут же начало было падать, но в голову резко ударяют идеи. Веером по кругу перед мысленным взором проносятся рецептики, в которых фигурирует мед, и руки, как это обычно бывает при моих озарениях, тут же начинают чесаться. До того сильно хочется воплотить всё это в жизнь!

– Тиль, а у нас вообще бывают посетители? – сразу же спрашиваю у своего незаменимого помощника, который в этот момент как раз, подражая недавним действиям белки, облизывает чашку подчистую.

После моего вопроса мальчишка приоткрывает глаза, а затем, когда смысл до него доходит, его лицо тут же смурнеет. Он ставит пустую чашку на стол, берет в руки ту, куда он налил настоявшуюся воду из заваренных трав, грустно вздыхает и только потом отвечает:

– Бывают, но редко, да и мало кто возвращается, госпожа. Мы ведь комнаты постояльцам не сдаем, да и Орния, скажу вам по секрету, – последнее наклоняется и говорит мне шепотом, воровато оглядываясь по сторонам, – готовила хуже вас. Ваша каша просто объедение, госпожа. Честно-честно.

От комплимента я краснею, но тут же поджимаю губы. Так, Ленка, не время обтекать тут лужицей, нужно положение спасать. А то теперь-то мне тут жить и дела вести, не в хлеву же, как свиньям, ночевать, да и денежки я хрустящие ой как люблю. А оно самое, это положение, выходит,

еще плачевнее, чем я предполагала. Мысленно потираю руки, предвкушая, какие устроим тут изменения.

– Ничего, проведем модернизацию, ребрендинг и озолотимся, Тиль! – пытаюсь подбодрить понурого мальчишку, белка в это время продолжает нагло лазить по банкам, не обращая на мой выразительный взгляд никакого внимания.

– Моде… Рербе… Что? – спрашивает пацан с открытым ртом, и в этот момент он более всего смахивает на деревенского дурачка, особенно, в своей нелепой одежде, явно больше его на несколько размеров.

– Не забивай себе голову, слушайся меня, помогай, и всё будет тип-топ! – улыбаюсь, похлопывая его по плечу.

– Тип-топ? – снова не понимает он, вызывая у меня глухое раздражение.

Молодежь эту еще учить.

– Во бестолковая голова. Даже я и то понимаю всё, – произносит запрыгнувшая мне снова на плечо белка, почесывая лапой внутренность своего уха.

А вот дальше начинается самое интересное. Осмотр своих новых владений. Даже сердце сжимается в предвкушении. Так и хочется, протянув руки, произнести вслух: “Всё мое, мое, всё мое!”

– Ну-с, – потираю руки, а затем иду осматривать кухню.

Сначала вижу всё то же самое, что и на земле: кастрюли, полки. Пусть не современное, зато вроде как добротное, пользоваться можно, а на первое время только это нам и нуж-

но. А вот затем… Натыкаюсь на непонятный камень, стоящий в красивой подставке на подоконнике. Белый, немного прозрачный, с жемчужным отливом, он цеплял мой взгляд.

– Тиль, а это что такое? – поглаживаю гладкие грани, завороженная интересной расцветкой и каким-то странным ощущением, словно от камня что-то исходит.

– О, это магический очиститель, – воодушевляется парнишка и подходит ближе, прикасаясь к камню с благоговением.

Слава всем богам этого и всех иных миров, что здесь есть магия! Уф, главное, что мне не придется драить полы самой! Ох, какая жизнь-то начнется! Вот что мне больше всего не нравилось в прошлой жизни, так это вести домашнее хозяйство. Нет, готовка – моя страсть, само собой, это даже не ставится под сомнение, а вот уборка… Отдельная гиблая тема.

– А почему тогда не чистим? Вокруг такая грязища, пол липкий, да и стол… – задала, кажется, очевидный вопрос Тилю, осматривая пыль и паутину в углах, а про нагар вообще молчу.

Демонстративно провожу по полкам пальцем, показываю и Зинке, и мальчишке грязную ладонь.

– У меня нет такого запаса магии, этим обычно занимались вы, госпожа, но у вас не так много магии, чтоб очистить всё без вреда для резерва, – как-то печально качает головой Тиль, а вот меня заставляет задуматься.

Получается, если я новая госпожа вместо предыдущей,

точнее, я не та девушка, которая обладала магическими способностями, возникает закономерный вопрос, смогу ли я вообще им пользоваться? Этим ее резервом, о котором Тиль только что говорил? М-да, удручающие сведения. И без того печальные перспективы погрузили меня в полное уныние. Это что, выходит, ручками пол мыть? Самой? Снова?!

– Чего раскисла, ватрушка! – вдруг рявкает мне на ухо Зинка, дергая его кончик. – Не было бы магии, как бы ты меня понимала? Так что харе титьки мять, да давай, за работу! Еще столько золота не отработано, столько еды не опробовано. Ух! Развернемся!

– Не заработано, – закатываю глаза и поправляю эту мелочь ушастую, уж больно она склонна к клептомании.

Остается надеяться, что это только на словах, а то не хватало мне еще потом тут озлобленных и обворованных клиентов. В порыве какой-то эйфории белка спрыгнула на стол, потрясывая лапкой, побегала туда-сюда, словно говорила речь перед целой толпой воинов, а затем, подуспокоившись под моим предостерегающим взглядом, прискакала обратно ко мне, садясь прямо напротив и заглядывая своими глазами-бусинками в мои. Кидаю мимолетный взгляд на Тиля, который в этот момент вышел в общий зал, оглядываясь по сторонам и…

– Фу, он что, в носу ковыряется? Пусть к моим чашкам свои лапы грязные не тянет! Так и передай ему. Усекла? – набычивается Зинка, что-то там пищит нечленораздельное,

походу, беличьи матюки.

Я же закатываю глаза и тяжело вздыхаю. Эх, еще и манеры прививать, что белке, что пацану. Час от часу не легче.

Флегматично наблюдаю за Тилем, а сама раздумываю о вдохновляющих словах Зинки. Неужели она думает, что у меня всё получится?

– У нас, – поправляет она меня, снова залезая в мои сокровенные и, между прочим, секретные мысли.

Киваю ей в такт, прикусываю нижнюю губу и гляжу по сторонам. Таверна просторная, столько всего придумать можно… А, была не была, я ведь ничего не теряю. Хотя мелькает крамольная мысль: почти ничего… Кроме вреда для резерва. Надеюсь, не откинусь тут от убирательно-очистительного камушка. Тьфу ты, как сложно.

– Чистоплюй, да, так и назовем, – говорю мысли вслух, почесываю подбородок.

Всегда так делаю, когда нервничаю.

Ну что ж, с такими мыслями я поднялась из-за стола и прошла несколько шагов до окна. Коснулась кончиками пальцев камушка, отчего по телу пробежала теплая, приятная волна, концентрируясь на подушечках пальцев. И? Что дальше-то? Или нужно совершить какие-то пассы руками, сказать “абракадабра” или “сим-салавим, откройся”? Воровато оглядываюсь по сторонам и только было открываю рот, чтобы так и сделать, как вдруг по затылку разливается резкая боль.

– Ауч, – глажу голову, надеясь, что не будет шишки, и с возмущением смотрю на виновницу этой неприятности.

Зинка совсем ополоумела, ишь, распускает тут свои лапы.

– Нечего тут ерундой страдать, – бурчит, виляя при этом хвостом, – вон, мальчишка-то на что, пусть отрабатывает тут кров и еду, спрашивай с него в три раза больше.

– Это вроде как мы пока что на его иждивении, – задумчиво и с сомнением отвечаю, вспомнив, что он что-то говорил про то, что продаст кастрюли, а после заплатит оставшуюся часть дани этому дядьке лорду Девину.

Зинка не отвечает, только глядит так высокомерно, словно это мы тут все созданы для ее услужения. Нет, мысль она говорит дельную. Нечего заниматься самодеятельностью и гадать, лучше уж спросить у знатока, вот только беспокоит меня один факт. Зинка что, еще и считать умеет? Задумчиво смотрю на нее, а в душе поселяется первый росток подозрений и сомнений

– Эм… Тиль, а не напомнишь, как это делается? Что нужно, чтобы наполнить этот чистоплюй энергией? – спрашиваю у пацана, решив белку оставить на потом.

– Чистоплюй? – откликается мальчишка и заходит следом обратно на кухню. – Какой еще чистоплюй?

Я же мысленно даю себе ладонью по лбу. Ну да, я же сама только что это название камушку придумала.

– Вот это, – показываю рукой, куда нужно, чтобы у него не осталось сомнений, что я имею в виду.

– А, понял, тут ничего сложного, госпожа, вам нужно взять в руки камень, напитать его мысленно своей энергией, представляя, что именно убрать и как, а затем поставить обратно. И постепенно всё будет очищаться. До тех пор, пока магия в камне не закончится, – отвечает он, удивляя меня всё больше.

О, так просто? Это я могу! Интересно, кто же тот умелец, который придумал этот артефакт? Ну ладно, про это потом узнаю. Прикрыв глаза, последовала инструкциям Тиля и воскресила в памяти всю разруху и грязь, которую видела на кухне, представила, как всё исчезает, очищаясь. Рука ощутимо нагрелась, а потом и вовсе камень стал обжигать. Не выдержав, отдернула руку с тихим шипением. Камень от этого упал на стол, а затем я снова быстро схватила его и, подбрасывая, еле как положила на подставку обратно.

– Фух! – выдохнула с облегчением.

Немного кружится голова, поэтому я присаживаюсь, чтобы передохнуть.

– Это потрясающе! Госпожа! Вы стали в разы сильнее! Это так странно! – задумчиво говорит мальчишка, но, видимо, он слишком поражен, чтобы что-то заподозрить, – Похоже, потеря памяти помогла вашему резерву стать больше! Никогда камень не был таким темным, самое лучшее было, когда у вас получилось сделать его коричневым.

Я покивала Тилю, хваля в мыслях его сообразительность, ведь не пришлось самой придумывать отмазку. Но само то,

что во мне вс-таки есть магия, вогнало меня в легкий ступор, перемежающийся эйфорией. Это ведь… Так классно! Никогда не приходилось мечтать о таком, это ведь были всего лишь сказки в моем мире. Понять бы еще, какая у меня магия. Может, огня, воды или земли? Или я… Так, стоп, всё по порядку, не торопись, Ленка.

Чуть успокоившись, перевела взгляд на камень и от неожиданности ахнула. Я и сама не заметила, как он стал угольно-черным, без просветов, даже не отражая падающий свет из окна. Вот это да…

– А это нормально? Так и должно быть? – указала я на камень, спрашивая Тиля.

Не хватало еще сломать такую необходимую в быту драгоценность.

– Это здорово! Камушек пропитан грязью под завязку! Теперь он станет чуть больше, снова побелеет и сможет вмещать еще больше грязи!

Вот это камень! Вот это магия! Оглядев кухню еще раз, я поняла, что нет, оставим всё остальное на завтра, сегодня со всем разбираться я уже не в силах. Этот суматошный день с новыми открытиями, змеями и осознанием полного апокалипсиса в моей жизни иссушил силы по максимуму.

– Мне бы поспать, – зеваю, не сдерживаясь, всё же усталость берет свое. – А с утра начнем приводить это убоже… Кхм… Эту кухню в рабочий и более-менее приличный вид.

Всё же камень, как я поняла, привязан к дому, так что хо-

тя бы о пыли и грязи самих помещений можно не беспокоиться. А вот всё остальное так и остается на мне, и это воодушевляет. Как представлю, что нужно поднимать таверну с колен, так и тянет идти и тут же действовать. Вот только еще в прошлой жизни я уяснила: главный залог успеха – это своевременный отдых.

– Конечно, госпожа! – тут же кивает мальчишка. – Столько магической силы использовать, вы, наверное, очень устали, позвольте вас проводить до вашей комнаты.

И тут я понимаю, что завтра же стоит начать день с того, что нужно поручить Тилю прекратить обращаться ко мне на вы. Чую, придется побороться, а сегодня сил на уговоры и разборки нет, так что я лишь благодарно кивнула и, вымученно улыбнувшись, пошла за Тилем. Зинка забралась на излюбленное местечко на моем плече, ощутимо оттягивая его своим весом, который к вечеру казался мне уже весьма немаленьким, и, свернувшись на плече калачиком, кажется, уже уснула. Быстро это она… А дальше была комната, кровать, я даже не рассматривала всё по новой, ведь чистое выглядит уже совсем по-другому. Кажется, я уснула раньше, чем голова коснулась подушки. Во всяком случае, совершенно не помню, как отрубилась. Ох, надеюсь, не придавила Зинку. Хотя уверена, будь это так, она бы точно разбудила бы меня своими причитаниями, охами-ахами и возмущенными писками.

Глава 4

А вот новый день начался рано, по ощущениям, часов в семь. Хотя к такому я привыкла, всё же раньше у меня была собственная сеть ресторанов, так что привычка вставать на работу с утра пораньше без будильника преследует меня и в этом мире.

– Доброе утро! – усмехаюсь, глядя на заспанную мордашку Зинки.

Она садится на свою пятую точку и, смешно растопырив нижние лапки, верхними протирает свои глазки-пуговки.

– Утро добрым не бывает, слыхала такое, деревня? – грубит, явно не рада пробуждению.

И смотрит так зло, что меня пробивает на смех, но на всякий случай я его сдерживаю. А то не дай боже кинется еще и расцарапает в порые недосыпа мне мое всё еще целое личико. А оно мне ой как дорого.

– Для тебя, мне кажется, вообще ничего добрым не бывает, – бурчу себе под нос, но так тихо, чтобы эта чертовка не услышала мои слова.

– Че? – тут же бычится белка, даже глаза раскрывает так, будто резко проснулась.

Вид у нее всколоченный, но я уверена, что и у меня видок не лучше. Поспешно прикасаюсь рукой к волосам и ахаю. Это не волосы у меня на голове, а явно воронье гнездо,

неудивительно, что Зинке, перебравшейся туда ночью, было так комфортно. Гляжу на нее с подозрением, не выросли ли у нее крылья, но этого за ней пока не наблюдается.

– Надеюсь, расчески здесь не костяные, – игнорирую беснующуюся Зинку и первым делом шарю взглядом по комнате и толкаю единственную дверцу, которая, как оказалось, к моему удовольствию, ведет в уборную.

Первое, что испытываю, так это разочарование. Нет, я, конечно, не ожидала здесь номер люкс и так далее, но и такого убожества как бы не думала увидеть. Всё благодаря артефакту чистоплюй стало довольно чистенько, вот только старое в новое он явно превратить не способен.

– Ёкарный бабай, – тут как тут следом появляется белка, которая выражает наше общее мнение.

Ванная есть, хотя это, скорее, всё же лохань. Ну, знаете, такие в последний раз в средневековье использовались. Деревянная, грязненькая, с каменным подобием овальной раковины, только вот без крана. Ясно, всё как в древние времена на земле. Разве что одно отличие – в серединке этой лохани лежит какой-то незнакомый голубой камушек. Внутри вспыхивает надежда. Снова магические штучки? Надеюсь, что так.

– Ни пуха, – голосит Зинка, когда я подхожу ближе и тянусь пальцем к кристаллу.

Гляжу на белку выразительно, со скепсисом, а та в этот момент даже отбежала, спрятавшись за моими нога-

ми. Вздохнув, потянулась и попробовала нажать. Сначала ничего не произошло, а потом, когда я уже потеряла всякую надежду, снизу хлынул резкий поток воды, брызгая мини-фонтанчиком. От неожиданности мы с Зиной отшатнулись, немного испугавшись такого напора. Я вскрикнула, прикрывая струю рукой, и вымочила из-за этого все рукава…

– Давай-давай, порть здесь всё, мы же богачи, и в шкафу у нас полный гардероб, – ехидничает белка, беся своими комментариями.

Встряхиваю руками, с сожалением глядя на мокрую ткань, но лишь вздыхаю и качаю головой. Что уж теперь, всё равно нужно переодеться. Так что и сожалений испытывать не стоит, а уж слезы и подавно не нужно лить. Хотя по взгляду Зинки лучше бы мне испепелиться на месте.

– Свинота как есть, – беличий возмущенный писк.

Кто-то явно встал не с той ноги. Хотя в случае с Зинкой… Не с той лапы.

– Злюка ты, не удивлюсь, если Степан, твой зубастый ухажер, в первый же вечер пинка бы тебе из своего дупла до самой границы парка дал бы, – парирую на ее хамство.

Что странно, ответного выпада не следует. Белка потупляет взгляд и молчит, даже лапкой будто по полу шоркает. И я удивленно приподнимаю брови.

– Вот это да… – расплываюсь в улыбке, настроение от догадки на высоте. – Он что, уже?

И по тому, какой злой взгляд исподлобья кидает на меня Зинка, я на все сто права.

– Поговори мне еще тут! – потрясает лапкой, наконец, придя в себя, белка, а затем исчезает из ванной комнаты, что аж пятки сверкают.

А я смотрю ей вслед и даже влажной ткани, неприятно липнувшей к телу, не ощущаю. Фонтачик продолжает извергать из себя потоки воды, а я, очнувшись, наконец, смотрю на себя и раздумываю, как бы вещи тут застирать.

– И отмыться бы… – говорю вслух, а уже после окидываю хозяйским взглядом комнатку.

И нахожу взглядом большой таз, старый табурет, заставленный флакончиками и… О чудо! Неужели это то, о чем я думаю? Целый кусок мыла? Подхожу ближе и трясущимися руками тянусь к желанной вещи. Подношу к носу, чуть ли не на зубок пробую. Пахнет оно приятно, отдает свежим запахом каких-то цветов. А дабы убедиться в своих подозрениях, ну и чтобы не разочароваться уже в процессе купания, капаю капельку воды и, растерев до пены, окончательно и с радостью убеждаюсь, что таки да, точно, мыло! А это что значица? Живем!

– Ну, – флегматично констатирую не без удовольствия, – главное, вонять и благоухать неприятными ароматами не буду. Жизнь не так уж и отвратительна, что ни говори.

Тьфу ты, ну ты! Это попаданство на меня плохо влияет. Уже сама с собой начала разговаривать. Кладу мыло обрат-

но, подношу табурет к ванне, а после снова смотрю по сторонам в поисках полотенца. Вот только ничего даже отдаленно похожего не нахожу. Так а вытираться-то чем?

– Да уж, утро не могло начаться хуже, – закатываю глаза и возвращаюсь в комнату, всё же проблему надо как-то решать, не на голое же тело потом вещи накидывать.

А когда оказываюсь снова в спальне, застаю престранную картину, которая вызывает у меня зависть.

Зинка без задних ног дрыхла на подушке, свернувшись милым клубочком, видимо, залезла на теплую постель, всё еще хранившую форму моего тела, как только я встала. Тяжко вздыхаю, желая поменяться с этой врединой местами. Вот же жизнь звериная: хочешь спать – спишь, хочешь отдохнуть – отдыхаешь. И никаких тебе обязанностей, неоплаченных счетов, сварливого мужа, требующего и первое, и второе, да еще и десерт в постель, окаянному.

– Стопэ-э-э, – встряхиваю головой, понимая, что ускакиваю не в те дебри, когда волной снизу начинает подниматься раздражение.

Возвращаюсь в суровую попаданческую реальность и оглядываюсь по сторонам в поисках какой-нибудь гардеробной, или на худой конец, шкафа. Всё же девка-то реальная, авось не голой по таверне при всем честном народе ходила.

– И что тут у нас? – снова вопрошаю вслух, когда вижу, что по правую руку от меня расположена еще одна дверь, светлая такая, приятная глазу, на удивление.

С учетом увиденного по всей таверне, не удивилась бы, если бы вместо приличных дверей здесь вместо них стояли бы булыжники, как в пещерные времена. Делаю решительный шаг в ту сторону и тяну за ручку на себя, но та не поддается. Пару раз подергав, мысленно даю себе ладонью по лбу. Во тупица, дверь-то не на себя, а от себя открывается. В этот момент даже стыдно становится. Это, наверное, карма, помню, как фыркала на посетителей, которые измочаливали мне ресторанную дверь, иной раз чуть ли не снося мои тщательно выбранные входные двери при изрядном подпитии.

– Слава тебе, господи, – вырывается у меня, когда я, справившись с входом, а точнее, элементарно найдя его, заглянула внутрь.

Гардеробная! Да еще какая! На контрасте со скудной ванной смотрится просто бомбезно. Просторная, прям мечта всего моего детства. Эх, жаль, что осуществить ее во взрослом возрасте не удалось. Пришлось отдать свободную комнатушку под кабинет Егору, хотя сейчас с неудовольствием вспоминаю, что работал там он как раз редко, а вот мне довольно часто дома приходилось разбираться с финансовыми отчетами, балансом и иже с ними. А этот жлоб еще и недовольно пыхтел, если я, видите ли, в его святая святых заходила. Тьфу на него.

– Развернемся, – говорю вслух, предвкушая, как всё тут сделаю, да еще и таверну с колен подниму, а может, даже и знаменитой стану.

Вот как придумаю что-нибудь, так и стану. Тут же решаю про себя и замечаю кое-что интересное. ХБ ткань, сложенная аккуратными квадратиками. Это, конечно, не мое любимое махровое полотенце, но тоже сойдет, тем более, довольно милая вышивка по краям радует мой притязательный взгляд. Наряды, которые предстают моему взору, какие-то… Ну никакие… Послушницы в монастыре и то, кажется, поотокровеннее да наряднее одеваются. Выбрав более-менее приличное кремовое платье с пышными рукавами, расшитое белыми рюшами по подолу и небольшому вырезу, стала рыться в поисках нижнего белья. Надеюсь, хоть тут меня не постигнет разочарование. Нет, об откровенных шелковых пеньюарах здесь, мне кажется, и не слышали, но и в бабушкиных панталонах ходить не прельщает.

– Только не это! – восклицаю, ведь все мои опасения подтвердились.

В одном из ящиков я нашла целую стопку панталон! Вот гадство… Если тут есть нитки с иголкой, надо будет нашить себе аккуратного белья. Авось стану новой законодательницей мод, мечтательно внутри думает мое эго. Я же фыркаю презрительно, ишь, чего захотела-то Ленка. А с другой стороны, почему бы и нет. Найду себе богатенького лорда, да заживу… Встряхиваю головой, выбрасывая крамольные мысли крашеных девиц, и, взяв выбранную одежду, вернулась в ванную. Разложив на еще одном табурете всё это дело, сняла с себя те вещи, которые на мне. Посмотрев направо-налево

и никого не заметив, снимаю с себя одежду и принюхиваюсь к подмышкам. Ну так, на всякий случай, вдруг от меня всё это время несло таким амбре, а я ни сном, ни духом.

– Срочно нужна стирка, – делаю после манипуляций неутешительный вывод и подхожу к ванной, где всё это время так же продолжал журчать маленький фонтанчик.

И как только я подставила под струи ледяной воды руки, мое настроение тут же скакнуло вверх на несколько позиций. Всё же чистота – залог хорошего настроения, что бы ни говорили всякие просвещенные гуру из тибетских гор. Сами пусть не моются, а мне вот для счастья много не нужно – горячая вода да вкусная похлебка. Ну еще деньги, красивая одежда, успешный бизнес… Тьфу, Ленка! Харе мечтать, как любит говорить Зинка.

– И как сделать ее горячей? – вдруг дошло до меня, ведь мыться в таком холоде я как-то не приучена.

И вот сейчас бы сюда позвать Тиля и уточнить, но я ведь уже голая, а надевать грязные вещи снова уже как-то противно. А новые на липкое тело… Нет уж, увольте. Так что, прикинув и так, и этак, взяла таз и попыталась наполнить его кое-как водой. С горем пополам удалось это сделать на треть, так что после, взяв в одну руку мыло, с опаской залезла в лохань. Облила себя сверху донизу водой из таза и, дрожа от холода, быстро намочила скомканный белый хлопчатобумажный платок, намылила его и стала натираться. Такая себе мочалка, но других вариантов нет, так что выбирать

не приходится. Кожа стала гусиной, всем телом я ощущала все сквозняки, желая поскорее расправиться с неприятной помывкой и обещая, что вот в следующий раз позабочусь об этом заранее. Сжав зубы, снова повторила маневр с набором воды в тазик и, намочив и очистив от мыльной пены под струей фонтана платок, стала обтираться. А вот в конце пришлось несколько раз облиться ледяной водой. После всех водных процедур я ощущала себя ощипанной курицей, но, наспех обтершись подобием самодельного полотенца, с таким удовольствием облачилась в приготовленные вещи, что мир мне в этот момент показался чуть ли не райскими кущами.

– Вот идиотка, – протянула, глядя на продолжающий извергаться фонтан.

А как выключить-то этот чудо-камень? Подходить и затыкать его наобум желания нет, все же быть чистенькой и сухой мне нравится больше, чем мокрой и мерзнущей. Пришлось снова раздеваться и уже потом тыкать на него, но на удивление все получилось с первого раза. Как только я подумала о том, чтобы он перестал работать, от моего прикосновения вода перестала вытекать вовсе. Вот это магия, черт возьми! Жаль, горячей воды не было. Снова наспех обтершись, оделась и прям почувствовала себя новым человеком.

– Вот же ж, чертовка наглая, – вырвалось непроизвольно при виде дрыхнувшей на спине белки, когда я вышла из ванной в спальню.

Покачала головой, испытывая зависть. Пока я, значица, корячилась в попытках помыться, белка тут почивала на перинах, видите ли.

– Не бурчи, все время поспать мне не давала, – вдруг подает она свой ворчливый голос, приоткрывая один глаз. – Уж больно громко ты думаешь, пекарка. Голова от тебя трещит.

И вот так, нагло вывалив на меня свои мысли, она переворачивается на живот и сворачивается клубком, демонстративно зевает и прикрывает свои глазки-бусинки. Я на это даже ответить ничего путного не могу. Только и делаю, что открываю в возмущении рот.

– Ничего-ничего, – проговариваю тихо вслух, уже планируя этапы своей личной мести, а затем подхожу к зеркалу и тумбочке в углу..

А там как раз нашелся гребень. Ну да, все, как я и думала. Ничего современного, разве что цветные шнурки, видимо, для подвязывания волос, подняли мне настроение. Нашла даже парочку заколок. Видимо, бывшей хозяйке таверны даже при скудных доходах понятие красоты чуждо не было.

– Ай… Ой… Млин… – попискивала, недовольно и зло корча рожицы в зеркале все то время, что пыталась расчесать свои колтуны.

Все же мыло – не лучший заменитель шампуня. Чую, в какую солому вскоре превратятся мои волосы. Так что срочно нужно золото и поход по местным лавкам красоты. Глядеть

на себя в зеркало и ощущать влагу на спине было неприятно, так что заплела себе колосок, вплетая в него один из белых блестящих шнурков. Ничего, все и так просохнет, а мне не придется терпеть влажные волосы. Эх, фена, жаль, нет.

– Да красотка-красотка, только дай поспать, или хотя бы потише думай, – ворчит как обычно белка. – Вот раньше были времена, мозги девкам ну совсем были ни к чему. Главное, чтобы работала одним… Кхм… – покашливает в конце Зинка, прикрывая лапой рот.

Я же смотрю на нее с подозрением и округлившимся ртом. Во дела, во пошлячка…

Но в целом я с ней согласна. С первой частью ее провокационной речи, во всяком случае. Красотка как есть! Ну если не смотреть на пухлые щеки… Третий подбородок… Слишком выпирающие бока… Н-да… Хорошего настроения как не бывало… И это еще платье мне немного велико, по началу меня это только порадовало, но теперь я понимаю, что все равно внушительные телеса никак не скрыть. Вздыхаю и мечтательно думаю, что, может, хоть в новом мире я похудею. А что, всяких бургеров тут нет, травиться вроде как нечем. Сделаю себе комплекс упражнений, диетку там… Блин, теперь есть захотелось…

– Еда! – тут же вскакивает со своего места всполошенная Зинка, услышав самое заветное для себя слово. – Где?!

От неожиданности я отскакиваю, прекратив собственное самолюбование. Или же самобичевание все же? Но подумать

об этом не успеваю, нас прерывает громкий и уж какой-то слишком нервный стук в дверь. Зинка аж пискнула и подпрыгнула с подушки, растопырив свои лапы, хвост, и даже шерсть ее встала дыбом.

– Госпожа! Госпожа, просыпайтесь! – кричит в этот момент, будто его убивают, Тиль. А затем я понимаю причины его паники: – У нас посетитель!

Мы с Зинкой с тревогой переглядываемся, а затем занимаем рабочие позиции. Я решительно, засучив рукава, шагаю к двери, а белка с воинственным видом устраивается на моем плече. В то же время внутри меня одолевают суматошные сомнения. Святые кексики! Что делать-то?

Спустившись со второго этажа на первый и пройдя через кухню, выглянула в общий зал, чтобы незаметно подглядеть за посетителем. Руки немного дрожат, без конца вытираю ладошки о наспех натянутый фартук.

– Не ссы, прорвемся, сладкая, – уж больно ехидно подстегивает меня белка, которая тут как тут вклинилась в мои мысли, раздражая своей болтливостью.

Я отмахиваюсь от нее и с любопытством смотрю на одиноко стоящего мужчину у одного из столиков. Он с каким-то недоумением разглядывает столик, а когда я приглядываюсь, то ахаю. Даже с этого расстояния отчетливо вижу на столе занимающихся непотребством двух каких-то уж больно огромных то ли мух, то ли комаров.

– Мамочка, вот позор, – прикладываю руки к горящим от

стыда щекам, хотя, объективно говоря, в случившемся нет моей вины, но до чего же неловко.

– Занятно, – задумчиво говорит Зинка, глядя в ту же сторону. – Жаль, интернета нет в этом странном мире. Авось на таких представлениях озолотились бы.

Чертыхаюсь от ее комментария. Этой бы только одно из двух – или набить едой брюхо, или карманы золотом.

– Тиль, – шепчу помощнику, который судорожно бегает по кухне и не знает, за что ухватиться.

Пацан от стресса даже волосы на голове периодически тянет. Мне становится ненадолго жаль его, но затем я беру себя в руки и привожу в чувство всех нас троих тихим окриком:

– А ну успокоились! – что странно, оба замолчали, выпучив на меня глаза, а затем я даю задание Тилю: – Возьми тряпку и протри стол для вида, а сам насекомых прогони, понял?

Тот заторможенно кивает, но в глазах я вижу облегчение от того, что всю ответственность я взяла на себя. Эх, все же подросток он еще.

– Конечно, госпожа, – кивает аки болванчик и, подхватив тряпку с полки, несется в сторону общего зала.

– Стой! И заказ у него прими, – говорю, пока пацан еще не попал под обстрел взглядов такого статного посетителя.

– Чего? – по-простецки переспрашивает мальчишка, я же закатываю глаза:

– Узнай, что поесть хочет, – перевожу на язык для чайни-

ков, и тот, просияв, снова кивает.

Мы же с Зинкой просто смотрим, что происходит дальше. Вот только если белка наслаждается представлением, которое разворачивается вокруг этих насекомых-эксгибиционистов, то лично я рассматриваю шикарный экземпляр, который по непонятным причинам забрел к нам в таверну. Даже сглатываю и мну передник снова, только на этот раз не от стресса, а от предвкушения, как бы я и сама была бы рада оказаться от него в такой непосредственной близости, как сейчас Тиль. А посмотреть было на что: серебристый мундир с золотой бахромой на плечах подчеркивает их ширину, пояс на талии, к которому крепился даже с виду увесистый меч, привлекает внимание к узким бедрам и длинным ногам. Аж слюнки текут. В общем, как говорят про таких: косая сажень в плечах. Сглатываю, желая запустить пальцы в эту шелковистую иссиня-черную шевелюру, даже кажется, словно дышать на время перестаю от увиденного.

– Харе слюни пускать, фу, – топает лапами Зинка, оттаптывая мне плечо, для пущего эффекта даже за ухо меня больно тянет. – Не для тебя мама ягодку растила.

А вот последнее ее высказывание приводит меня в чувство. Даже на кашель от неожиданности пробивает, бью себя в грудь, чтобы прекратить его, но в глазах от усердия проступают слезы.

– В смысле? – упираю руки в бока, в этот момент позабыв про мужика, уж слишком возмущена тем, что сказала

эта негодница.

– В том самом. Нечего мне тут влюбляться, – потрясает лапкой, сурово глядя на меня, словно я – ее нерадивая пустоголовая дочь, которую надлежит навести на путь истинный, дабы в подоле не принесла. – Сначала дело, потом тело. Тьфу ты, то есть… А хотя нет, я права…

С ехидством оглядывает меня, а я начинаю закипать пуще прежнего. Но в этот момент подбегает освободившийся Тиль и тянет меня за рукав.

– Простите, госпожа, но посетитель слишком знатная персона, я не могу его обслуживать. Он требует хозяина, то есть вас, ну… Хозяйку… – добавляет смущенный и стыдливо отводящий взгляд Тиль.

А я… А я хмурюсь. И все очарование мужиком проходит мгновенно. Не люблю я таких вот надменных красавцев.

– Вот и правильно, – читает мои мысли Зина, а на Тиля впервые за все время глядит с сочувствием: – Эх, ни кожи-ни рожи, еще и со знатностью не повезло. Так уж и быть, возьму его под свое шефство.

И с такими словами эта предательница перепрыгивает с моего плеча на плечо мальчишки. Он от испуга ахает, выпучив глаза, но когда белка просто усаживается там на пятую точку, ничего не предпринимая, то медленно расслабляется, хотя все равно продолжает наблюдать за ней с опаской.

– Готовь пока печь, – говорю Тилю, а сама, уверенно расправив плечи, вальяжно и гордо иду к этому засранцу.

Ишь, знатность ему подавай. Кстати, а у меня есть титул какой? Но в этот момент голова посетителя поднимается, и я встречаюсь с его аквамариновыми глазами, которые выбивают у меня почву из-под ног. А в голове, словно раздается чужое недовольное шипение. Встряхиваю головой, выкидывая посторонние мысли из головы.

– Приветствую, господин! – натянула самую доброжелательную улыбку на свое посвежевшее от нормального сна лицо и по привычке, отточенной годами, приняла открытую позу. – Чего желаете? Суп, кашу, второе, отвар?

Перечислила все, что мне в этот момент пришло в голову. А у самой в голове звучит пустой звон, когда обезьянка бьет тарелками друг об друга.

– Чего желаю? – от его хриплого низкого тона у меня по позвоночнику идет дрожь, а от взгляда, которым окидывает меня, аж на озноб пробивает.

Я аж теряюсь, будто никогда такого взора не видела. Хотя… Это почти так и есть, даже и не припомню, когда на меня в последний раз смотрели таким откровенным и горячим взглядом.

– Д-да, – отвечаю и тут же чертыхаюсь.

Веду себя, как малолетка озабоченная, будто шикарных экземпляров мужских не видела.

– Давайте ваше коронное блюдо, – улыбается, а затем подмигивает, окончательно вгоняя меня в краску. – Оставляю все на ваш выбор. От такой учтивой хозяйки… – снова жар-

кий взгляд, но на этот раз в сторону моей груди, я аж голову опускаю, чтобы проверить: закрыто ли там все, – даже яду готов принять.

Все, на что меня хватает, это лишь кивнуть. Коленки предательски дрогнули, но благо, что длинное платье скрыло мою слабость. Еще не хватало, чтобы этот ловелас понял, какой эффект на меня оказал. Не знала, что можно потерять дар речи, но, к своему стыду, так и есть. В этот момент мужчина встряхнул своей шевелюрой, отчего его светлые пряди упали на лицо, у меня аж дыхание перехватило. А после он улыбнулся с теплотой, и это заставило мое сердце остановиться, а затем забиться с удвоенной силой.

– Все организуем, – успеваю произнести и, быстро шагая, ретируюсь в сторону кухни.

Даже отсюда вижу две любопытные мордочки, которые даже не таятся и с расширенными зрачками и ртами пялятся на нас.

– Без комментариев, – бурчу им зло, видя, что Зинка как раз открывает свой беличий рот.

– Печь я подготовил, госпожа, пойду, надою молочка, заодно и покормлю нашу кормилицу, – произносит мальчишка и, дождавшись моего одобрительного кивка, ускакивает на задний двор.

И мы с Зинкой остаемся в святая святых наедине.

– А мы чего? А мы ничего, – невинным голоском говорит зверек, а затем сплевывает: – Эх, жаль, что пацан у нас бра-

кованный, а так бы мы с ним ух… Навели бы тут шороху.

– Ой нет, спасибо, – усмехаюсь, приходя, наконец, в себя. – Мне одной тебя, шороховатой такой, за глаза хватает.

– Нет такого слова, неучиха, – ленивым тоном говорит белка, а затем запрыгивает на стол и берет зубочистку, лезет в свою пасть и ковыряет там что-то.

– Неучиха, – закатываю глаза, но ничего не говорю, этой бесполезно что-то объяснять, все на свой лад переделает, а я еще и виноватой останусь.

А затем выбрасываю все посторонние мысли из головы, решая, что же приготовить-то. Какое еще коронное блюдо? У нас и завалявшегося-то обычного нет. Ну ничего, засучив рукава, иду шерстить шкафчики, шумно открывая-закрывая дверцы.

– Бекон, яйца и молоко… – задумчиво подвожу итоги, называя увиденное на свой лад, уж не знаю местных названий.

Пацана все еще нет, но у нас есть оставшееся с вчера молоко, так что ждать смысла нет.

– Ниче не понимаю, но звучит аппэ-э-этитно, – подражая людям, вдруг со странным акцентом произносит белка, поднимая мне тем самым настроение.

– Омлет сготовить сам бог велел, – ухмыляюсь и, чувствуя себя, наконец, в своей тарелке, достаю сковороду и начинаю колдовать.

– А пахнет-то ка-а-ак… – поднимает мордочку Зинка, когда я дожариваю бекон в печи.

Честно говоря, я и сама слюнями исхожу, так кушать хочется. Ммм, а вот если еще… Так, стоп! Сначала бизнес, потом желудок.

– Что у нас еще есть? – оглядываю стол и замечаю свежие овощи, похожие на земные.

Тиль что, уже успел сходить на рынок? Что-то не припомню этого вчера при ревизии. Поглядывая периодически за готовящейся едой и особенно за Зинкой, которая нет-нет и норовит протянуть свои лапы, чтобы цепануть еду, готовлю легкий салат и частенько цокаю, ставя ее на место. За этой глаз да глаз.

– Вуаля! – оглашаю на всю кухню, глядя на омлет, поджаренные полоски бекона и салат.

Овощи, конечно, странноватые на цвет, гораздо ярче земных, даже плоды, словно с картинки, но запах от них свежий и приятный. И только я отвлеклась, ища что-нибудь похожее на поднос, Зинка подобрала этот момент и…

– Ах ты поганка! – восклицаю, но белка запихивает в рот всю помидорину и, разбрызгивая сок, быстро жует, распахнув при этом глаза.

Дергаюсь и тянусь, чтобы шлепнуть засранку по беличьему хвосту одной из прихваток, но она ускользает, тихонько посмеиваясь и пританцовывая по столу. Да уж, сплошная антисанитария. Надеюсь, здесь еще не придумали СЭС, а то нам в таком случае не сдобровать.

– Поганка! – как-то беззлобно вырывается у меня. – И не

стыдно? Я тут, понимаете ли, тружусь в поте лица, а всякие нахлебники портят мой труд.

Упираю руки в бока, наблюдая за ее передвижениями, думая, как бы так в нее запульнуть чем-нибудь, чтобы она подрастеряла свой апломб.

– Ишь ты, я тут, вообще-то, самый главный труженик, так что но-но-но, – и еще возмущается так искренне, что мне даже стыдно на секунду становится.

– И как, позволь узнать? – произношу скептически, а белка примеривается в это время взглядом к бекону.

– Морально, – заявляет с уверенностью, я же на всякий случай отодвигаю яства от нее подальше.

Благо, замечаю деревянный поднос, так что загружаю туда все, успокоив свою душу, что в зал-то уж она не проберется, а то даже для нее воровать у посетителя было бы чересчур.

– Какие слова мы знае-е-ем, – тяну я, усмехаясь, вижу, как она разочарованно поглядывает, как я ухожу. И добавляю в конце: – Твой бы ум, да в нужное русло. Авось разбогатели бы поскорее.

– А ты сперва воду пусти, чтобы речка была, тогда и увидишь все мои способности, – говорит она нечто странное, но мне уже не до нее.

Тогда я не придала ее словам значения, а зря…

А пока я несу все это нашему первому посетителю, не чувствуя почвы под ногами.

– Приятного аппетита, – смущенно говорю и, опустив го-

лову, быстро расставляю все по столу. – Десерт чуть позже, вам отвар сразу или потом?

– Мне бы лучше эля, ми-и-илая, – произносит таким тоном, что у меня мурашки по телу.

В какой-то момент мне кажется, словно его рука так и тянется отвесить мне шлепок, но он вроде бы держит себя в руках. От своих непотребных мыслей в отношении него мне даже стыдно становится.

– Я уточню, – улыбаюсь стеснительно, хотя это слово ко мне в принципе не применимо, и быстренько бочком юркаю в свое логово.

Что я только что городила?! У кого я что собралась уточнять? Я же здесь хозяйка! А то, что ничего в своих владениях не смыслю, так это не его дело. Внутреннюю кухню клиентам знать вообще не требуется.

– Тиль! – радостно восклицаю, когда он заходит с наполненным ведром молока. – У нас эль имеется? Если да, то подай мужчине, заодно и салфетки ему дай. Я пока блины сделаю.

– Бли-ны? – переспрашивает пацан, кивая до этого слова болванчиком, а после зависает.

– Потом попробуешь, иди, нам нельзя оплошать, – подталкиваю его работать.

И он тут же приступает к своим обязанностям. Эль, как оказалось, у нас есть, пусть и немного, но на недельку хватит, ежели к нам будут ходить люди и нелюди. Жарю блин-

чики, хотя по виду это, скорее, пухлые оладушки, а сама одним глазком наблюдаю за общим залом. Надо бы скатерти накупить, салфетки приличные, а то не таверна, а черте что. Но больше всего меня, конечно, интересует реакция мужчины. Несколько десятков секунд он удивленно и с подозрением осматривает поданную еду, но, не имея выбора, берет столовые приборы, нарезает себе все кусочками и отправляет первую партию в рот. На секунду он замирает, а затем… Вдруг начинает с бешеной скоростью набивать себе желудок, словно пришел с голодного края.

– Манерам здесь, походу, вообще никто не обучен, – констатирует Зинка, жуя кинутый ей оладушек.

– Я вижу, – говорю, а сама вздыхаю.

Вот тебе и принц на белом коне. Мне показалось, или у него вокруг рта жир? Он точно знает, куда надо доносить еду?

– Ну зато омлет с беконом ему понравился, – пытаюсь найти хоть что-то хорошее.

– Еще бы не понравилось! – Зина снова вставила свои пять копеек, похрустывая найденным огурцом, громко причмокивая.

От этих звуков мой живот глухо заурчал, подсказывая хозяйке, что ей тоже не мешало бы подкрепиться. Такая вот жизнь у поваров. Всё другим, всё другим. Уши белки тут же поймали волну и настроились на игру моего кишечника.

– Тебе худеть надо! – тут же не остается она в стороне и

взмахивает в мою сторону свободной лапой. – Ты вон… И так уже крепенькая.

Я возмущенно шикнула на белку и, отобрав у нее огурец, стала хрустеть им сама. Та только рот открыла от такой наглости с моей стороны. Не привыкла, чтобы кто-то примерял на себя ее роль вредины. Но, несмотря на оскорбления, она, черт возьми, права! Диета мне не помешает.

– Отнеси, Тиль, – подаю оладушки на тарелке пацану, который уже и сам исходит слюнями, мне даже жалко его становится, так что, пока он относит еду посетителю, быстренько накрываю ему на стол.

А себе решила сделать легкий салат, на скорую руку сварила пару яиц и с тоской стала провожать каждый кусочек бекона, который отдала на растерзание двум соратникам. В какой-то момент Тиль внезапно исчез, а затем прибежал и выпалил:

– Вас зовут, госпожа! – легкая паника в голосе настораживает, так что, сглотнув, с опаской выхожу.

Мужчина сидит, откинувшись на спинку стула, и с тоской поглядывает на пустые тарелки.

– Леди, – улыбнулся, когда увидел меня, даже привстал и подошел вплотную, отчего мое сердечко забилось чаще.

– Звали? – сипло произношу, чувствуя себя странно.

Флюиды он распускает, что ли? Никогда себя таким киселем не ощущала.

– Грех не воздать должное такой прекрасной хозяйке, –

делает паузу, цапает мою руку и целует тыльную сторону ладони, заставляя меня покраснеть. – Такую и к себе в дом привести не стыдно.

А вот эти слова заставляют меня задыхаться от непонимания. Это что, намек какой-то? А ну, Ленка, соберись! Нечего тут перед всякими ловеласами кокетничать!

– Это моя работа, – поджимаю губы и как могу суровее осекаю его.

Он даже на секунду растерялся, будто не ожидал от меня отпора его харизме. Но затем быстренько взял себя в руки и продолжил гнуть свое.

– Не стоит преуменьшать свои заслуги, леди, – изгибает губы, привлекая к ним мое внимание. – Я много где бывал. Знаете ли, даже при императорском дворе нагов доводилось ужинать. Так что ваша готовка выше всяческих похвал, уж поверьте знатоку.

И тут не понимаю, то ли это был комплимент мне, то ли бравада, что он вхож в правящие круги. Загадка…

– Плата на столе, а в качестве особой благодарности, – шепчет мне в ухо, уж слишком сильно прижимаясь ко мне, а затем в моих руках оказывается что-то круглое. – Поверьте, мы еще увидимся. И не раз…

Мужчина, напоследок окинув меня многообещающим взором, идет в сторону выхода, я же задумчиво гляжу на кулон. И отчего-то тревожно мне при виде него, словно я держу в руках змею. Но додумать не успеваю, в этот момент за-

хлопывается дверь.

– Вот это да-а-а, – сразу же после его ухода выбегают со скоростью света из кухни Зинка и Тиль, ахают при виде горстки золотых монет.

– Ц, ц, ц, – одобрительно цокаю, глядя на спасительное золото.

Даже по моим дилетантским меркам, да и с учетом того, что цены им я не знаю, но при виде ослепительного блеска глаз Тиля понимаю, что это целое состояние. Что ж, ежели каждый тут у нас будет столько оставлять, заживем. С моей-то стряпней. Так что, забыв про этот злосчастный кулон, запихиваю его в карман передника и оглядываю фронт будущих работ. Так! Составить меню и обязательно попробовать рецепты на печи, чтобы если что не проколоться.

– А ну цыц! – даю ладошкой по лапе обнаглевшей Зинке, вдруг вздумавшей утащить две золотые монетки.

А пока она все тут не раздербанила, быстренько собираю все в карман, как тут раздается стук в дверь, заставляя меня нервно дернуться. Мы втроем переглядываемся и с опаской смотрим на вход.

– Может, мужик еще блестяшек принес? – наивно предположила Зинка, у которой я отвоевывала каждую монетку из стопки.

Вот только правильно я сказала, что наивно, ведь это был совсем не тот красавчик. А после произошло то, что изменило всю мою жизнь.

Глава 5

Раздается очередной короткий стук в дверь. Напрягаюсь, вспомнив неприятного дядьку, который, как бы это ни выглядело подозрительно, с того самого первого раза, когда пытался заниматься бессовестным рэкетом, так и не появлялся еще. И это странно, так как мы, по его мнению, до сих пор должны ему те самые пять золотых, о которых еще даже не успели поговорить с Тилем.

Мальчишка в этот момент тоже напрягается и весь аж подбирается, смотрит на меня при этом испуганным взглядом. Видимо, не только у меня одной уже рефлекс на звонки выработался. Я-то ладно, у меня это еще с земляной, ой, земной жизни осталось, а он-то такой юный…

Только я собираюсь выдвинуться вперед и разобраться с гостем, как вдруг пацан выпячивает грудь колесом, напрягает руки и хмурит лицо. У белки от этого аж смешок вырывается, хотя для него это звучит, наверное, как обычное животное кряхтение. Хотя вон как подозрительно смотрит на Зинку, та аж подпрыгнула и ускакала на мою шею, прячась за почти высохнувшей шевелюрой. Я же очень хорошо понимаю причину ее смеха. Тиль, походу, возомнил себя чуть ль не главным, учитывая мою якобы амнезию. Впрочем, мне это пока что на руку, так что я еле заметно киваю и зыркаю предупреждающим взглядом из-под насупленных бровей на

белку.

– Пойду, проверю, кто пришел, госпожа, – отвечает Тиль и идет в сторону закрытых за недавним посетителем дверей.

Я же морщусь, вспомнив, что так и не начала его приучать к тому, чтобы обращался ко мне на ты. Осторожно ступаю следом, белка же возвращается на прежнее место, пытаясь удобнее пристроить свою пятую пушистую точку на моем уже отбитом от ее веса плече.

– Ауч, – вырывается у меня, когда белка с силой тянет мой локон, отчего у меня неприятно болит голова, но больше я ничего не говорю.

Уж больно сильно меня одолевает любопытство и предвкушение полного фиаско этого гада лорда Девина, которого ожидает ух какой неприятный сюрприз в моем лице.

– Нашем, – поправляет недовольно мои мысли белка, но я лишь одобрительно хмыкаю.

Пока парень открывает засовы, я встаю так, чтобы меня не было видно, но при этом нам с белкой открывался хороший и полномасштабный обзор на то, что происходит возле входа двери. Первое, что меня удивляет, так это то, что Тиль даже не спрашивает, кто стоит по ту сторону, а тут же открывает кому-то дверь.

– Во пацан дает, тут что, домушников нет? Надо леща ему надавать. А то ишь, всяким разбойникам дверь открывает почем зря, – бурчит белка, смешно растопырив лапку и потрясая ей в воздухе.

У меня вырывается смешок.

– Это ресторан. Какие еще домушники? – говорю в ответ, а у самой возникает дельная мысль.

А ведь Зинка-то права. Нам у входа в таверну ведь охранник нужен. Как его там, во, вышибала требуется. Это ведь сейчас у нас нечего взять, а как только раскрутимся, повадятся всякие побродяжки возле нас околачиваться. Да и потом, если мы захотим сдавать за умеренную плату комнаты постояльцам, нам определенно нужен какой-никакой, но крепкий мужичонка в качестве охраны, иначе беды не миновать. Я, конечно, в людях неплохо разбираюсь, но чем черт не шутит, кто их, этих нелюдей, разберет. Да и мало ли какой маньяк забредет, тут уж никакое знание психологии не спасет. Нет, охрану наймем первым делом, как появится золотишко.

– А я тебе чем не вышибала? – набычивается белка, притопывая на моем плече, а затем, видимо, чтобы продемонстрировать мне чудеса своих навыков, начинает боксировать своими мелкими лапами в воздухе.

– Кха, кха, – бью себя в грудь, маскируя смех якобы кашлем, хотя у меня даже слезы на глазах от усердия наворачиваются, уж больно тянет просто расхохотаться в голос.

И тут же получаю щелчок по чувствительному уху. Зинка шибко чувствительная оказалась, вон как зло пялится на меня. Но тут, спасая меня от расправы, снаружи раздается возглас. Мы с белкой сразу же поворачиваем головы в ту сторо-

ну, наблюдая за тем, как какой-то коротышка что-то втирает нашему Тилю. Мужичонка кажется мне знакомым, словно я его где-то уже видела, но образ неясный и какой-то невнятный.

– О, так это ж наш спаситель, как его там, гном или кто это? – восклицает Зинка и тянет за кончик все еще побаливающего уха, царапая при этом мою кожу острыми коготками.

Ее возглас приводит меня в чувство.

– Точно! Это же тот кучер этого надменного змеечеловека, – бурчу, вспомнив неприятную морду этого отвратительного во всех смыслах мужика.

– Нага! Сколько можно повторять, неучиха? – тут же получаю вместе с этими словами затрещину в области затылка.

– Неуч, – поправляю ее сленг, выдвинув вперед от негодования челюсть.

Что-то нехорошую привычку она начала приобретать. Все время меня бьет.

– А ну цыц! – осекаю ее после, а сама напряженно наблюдаю за тем, как активно жестикулирует этот гном.

Пару раз выдохнув, решаю все взять в свои руки. По напряженной позе Тиля начинаю понимать, что он сдает позиции, будто не понимает, что от него хочет мужик, да и что в целом происходит.

Я подхожу ближе и сразу же здороваюсь, не давая себе времени подумать как следует:

– Приветствую, уважаемый господин! – начинаю с вежливости и лести. – Мы ведь с вами уже виделись. Спасибо вам за спасение!

Накидываюсь на него с благодарностями, с интересом оглядывая его вид. Не знаю, что это за раса такая: странные длинные уши, короткий рост… Решаю спросить все о нем Тиля попозже. Да и вообще не мешало бы сразу узнать, какие еще обитатели живут в этом странном мире. И моя извечная тактика: первой набрасываться на противника со своими комментариями и вопросами, пытаясь таким образом считать собеседника и понять причины его прихода или наездов – работает. Вон как мужик теряется, пусть всего лишь на короткое время.

– Спасибо вам еще раз, что помогли выбраться нам из того ужасного и грязного подвала, – кладу театрально даже руку на лоб. – Право слово, даже не знала, что с нами случится такая беда. Здание старое, сами понимаете, дверь заклинило, а там крысы совсем распоясались, никакого сладу с ними нет. А вы такой храбрый, пришли страдающей даме на помощь.

Чувствую, как у меня горит спина. Это меня Тиль с Зинкой рассматривают, явно в шоке от моих актерских способностей. Нет, театралку я не заканчивала, но когда из года в год приходится принимать у себя налоговые и противопожарные делегации, и не таким выкрутасам научишься, пытаясь сбить матерых ищеек со следа – а уж те охочи до денег так, что приходилось выкручиваться, применяя всевозмож-

ные свои таланты, дабы сохранить бюджет в относительной целости и сохранности.

От моих комплиментов у мужичка краснеют щеки и рдеет лицо. Вижу, как ему приятно, он даже немного расслабляется.

– А вы купите Антиплюй, он как раз в ходу от кринолийских крыс, – тут же улыбается и заговорщически мне подмигивает, – Сходите в лавку Журфа и скажите, что вы от Дворфа, он вам скидку опосля сделает.

А затем мужик вздрагивает, будто опомнившись, и снова смотрит более хмурым взглядом. А я начинаю сиять, будто начищенный пятак. И от крыс как отделаться, инфой поделился, еще и скидку удалось выбить случайно. Хороша-то жизнь.

– Не стоит благодарности, – говорит он уже более холодным тоном и поправляет пиджачок. – Все это нужно адресовать моему господину его высочеству Шшариану аль Мин Шихарру. Это у него великолепный слух. Благо, что у меня благородный господин, он настоял, чтобы мы остановились и помогли даме в беде.

Я тут же вспоминаю это надменное неприятное лицо этого змеелорда и чуть было не кривлюсь, но в последний момент сдерживаю себя. Все же это его высочество, а передо мной стоит его подчиненный, которому не стоит знать, насколько мне неприятно вспоминать об этом субъекте. Даже имя-то какое сложное и заковыристое… Аль чего-то дина-

стии Мин… Или что-то в этом роде.

– Вы пришли к нам в таверну отобедать? – улыбаюсь, делая первое предположение, которое приходит мне в голову. – У нас сегодня сырный суп.

Дворф после моих слов скептически осматривает наш общий зал, видя покосившиеся стулья, сломанные столы, а затем поджимает губы. Видно, что его эта идея не прельщает, но как такового вида не подает. Вот что значит, выдержка.

– Нет, я, собственно, по другому вопросу, – все же изрекает и смотрит на нас троих подозрительным взглядом, щуря при этом свои глаза.

И ощущение такое, будто знает о нас нечто большее, чем даже мы сами.

– Так вот, как я уже говорил вашему… – осекается, глядит на Тиля, затрудняясь дать ему определение, но все же продолжает, найдя соответствующие слова: – Помощнику, а теперь повторюсь вам. Мне с трудом удалось уговорить господина, так что надеюсь на мирное урегулирование данного вопроса, точнее, возникшей проблемы. Огласка столь неприятного инцидента нам ни к чему…

Он все продолжает ходить вокруг да около, а я с каждым его словом смурнею все больше, уж больно сильная тревога витает в воздухе. А уж его взгляд и вовсе сулит нам серьезные неприятности, ежели мы не уладим его вопрос мирно. Знать бы еще, с какой целью он пришел, а то все титьки мнет, да у порога топчется.

С одной стороны, страхово, все же я здесь ничего не знаю, а вот с другой… Подбочениваюсь и принимаю воинственную позу, уперев руки в бока, не люблю вот такие пустые наезды ни о чем. так что лучше бы его претензиям быть обоснованными, а не липой какой ради собственной выгоды. И с таким вот в жизни сталкиваться тоже приходилось. Выпячиваю грудь вперед, пытаясь задавить его морально и своим весом, и ростом, вот только добиваюсь совершенно другого эффекта. Эй, ты куда это пялишься, гном?

В этот момент сзади раздаются шаркающие шаги. Это Тиль встает за моей спиной. А моя душенька впервые удовлетворена, войдя в свойственную ей колею постоянной борьбы. Да и пацану не мешало бы знать, кто здесь главный. Да и Дворфу не мешало бы понять, что я тут не какая-то сирота, которую каждый лорд обидеть норовит, а Ленка Миронова, хозяйка сети ресторанов, управлявшая ей твердой ручищей!

– Дела, – изрекает удовлетворенным тоном белка, видимо, приняв мой настрой и полностью его поддержав.

Уж не знаю, что там надумал себе этот гном, но из-за всяких государственных проверок за годы моего предпринимательства, я привыкла, что все те, кто приходит со своими вопросами, только и думают на самом деле, как бы отжать у тебя бизнес, деньги, настроение, да и в целом использовать твои ресурсы. Так что сейчас, вспомнив все эти случаи, включаю режим “защита равно нападение” на полную мощ-

ность. Но как назло все мои примененные техники подавления чужого личного пространства не возымели нужного эффекта. Видимо, работая с этим змеелордом неприятным, мужик настолько привык, что все собеседники выше и крупнее, что ни моя разгневанная моська, ни даже недовольная морда Зинки, нервно бьющей меня хвостом по плечу, вообще не пугают этого гнома. Он смотрит на нас со скепсисом и тщательно скрываемым ехидством.

– Ну что? Вы поняли? – вдруг говорит он, и только в этот момент я понимаю, что, углубившись в свои мысли, полностью прослушала суть его претензий.

Ну как, не его, а змеелорда, но не суть.

– Что? – переспрашиваю с таким лицом, что мужик закатывает глаза, словно не удивлен.

Он вздергивает бровь, а затем, вздохнув, достает из-за пазухи пергамент-письмо и начинает зачитывать:

“Елинария Безетерами, урожденная дочь Мильда Безетерами, владелица таверны “У Безетерами”, обвиняется в краже фамильного брачного кольца его высочества наследного принца Шшариана аль Мин Шихарра. Дабы избежать огласки и отправки на каменоломни, надлежит в течение суток вернуть кольцо хозяину, а также заплатить за моральный ущерб сто золотых”.

Я в этот момент выпадаю в осадок, а Дворф скручивает пергамент, а затем прокашливается и говорит мне уже более сочувствующим тоном:

– В таком случае мой лорд не подаст на вас в суд, а там уж, сами понимаете, – гном даже руки раскрывает, указывая на масштаб предполагаемых в будущем у меня проблем.

Я стону, поджимая губы. От стыда и злости мое лицо краснеет. Еще никогда меня не обвиняли в воровстве! Да это не слыхано просто! И тут, не успеваю я накинуться с ответными претензиями, как вдруг происходит то, что заставляет меня провалиться сквозь землю. Дверь нагло открывается шире, являя нашему взору нового члена этого спектакля.

– О, наконец-то ты, девка, гони давай мои пять золотых, ик, – заваливается внутрь пьяное тело.

Я отскакиваю, когда неприятное помойное амбре ударяет мне в нос. Ввалившийся и еле стоящий на ногах мужик пытается выпрямиться и выражается некультурными словами на всю округу. В таверне воцаряется полная тишина. Все находятся в шоке: и я, и Тиль, и Зинка, и уж тем более Дворф, помощник наследного принца. Только мужик, в котором я с трудом узнаю дядьку, которого видела издалека, пока наблюдала, как он отжимает золото у Тиля, хмельным голосом снова икает. Я беспомощно смотрю на Зинку, которая в этот момент в шоке глядит в мои глаза в ответ.

– А вы, неуважаемый, собственно говоря, кто? – нарушает тишину гном, надменным взглядом окидывая человека, похожего сейчас больше на бомжа.

– Я?! – тут же напрягается это тело, а после заваливается набок, отчего Тиль отскакивает поближе ко мне. – Да я… Да

я! Да я хозяин, понял, ик?

Дворф морщится, а затем ехидничает:

– Что ж, значица, и долг в сто золотых с вас спрашивать мне?

Смысл его слов, видимо, отчетливо доходит до ушей лорда Девина, хотя тот сейчас на знать ну совсем не похож. Надобно и этот вопрос у Тиля затем уточнить.

– Слышь ты, недомерок, иди отседова подобру-поздорову, ик, – шатается, а все туда же, машет кулачищами, намекая Дворфу, что отделает его на раз-два. – Гони мне сто золотых!

– Но это мы господину должны, а не он нам, – подает вдруг голос до этого молчавший Тиль и тут же попадает под обстрел взгляда дядьки.

– Неуважаемый, – громко произносит Дворф, возвращая к себе все наше внимание. – Вы когда сюда шли, кхм, простите, ползли, внимания на герб кареты совсем не обратили?

И вопрос задан таким тоном, что даже почти ничего не соображающий Девин, шатаясь, отталкивает гнома и вываливается наружу. Мы тянем шеи следом, желая рассмотреть, что там, но из-за его спины ничего не разглядеть. Но увиденное явно впечатлило дядьку, что он аж почти протрезвел.

– Простите, ик! – бухается на колени, а затем тянет грязные лапищи к пиджаку гнома. – Я ж не знал! Не рубите голову, ик! Хотите, забирайте таверну, только пощадите!

Он так голосит, что у меня аж уши закладывает, прочищаю мизинцем и продолжаю наблюдать за представлением.

Даже Тиль выходит из-за моей спиной и посмеивается в кулачок.

– Таверна принадлежит Елинарии Безетерами, все честь по чести в соответствующей земельной и кадастровой инспекции оформлено, а вы, собственно говоря, кто? Уж больно чужим имуществом горазды распоряжаться, – ничего не слушая, делает стойку Дворф. – И напомните-ка, что за долг в пять золотых? С час назад был в главном банке, никакой задолженности за Елинарией не числилось.

Удивленно присвистываю, поражаясь хватке этого Дворфа. Ой не зря этот Шшариан его при себе держит. И сколь бы ни был мне неприятен этот змеелорд, должна отметить его смекалку: такими кадрами, действительно, не разбрасываются.

– Я? – тут же теряется дядька и бегает глазками из стороны в стороны, вот только не забывает кидать гневные и обещающие кары в нас троих, стоящих за помощником его высочества. – Дык я это, пьяница местный, ик, выпить в таверне решил, ик, белочка у меня, ик, вот я и попутал. Пойду я?

И смотрит умоляюще на гнома. Тот, судя по виду, не верит ни единому слову дядьки, но кивает, кидая ему напоследок в удаляющуюся спину:

– Но имейте в виду, на данный момент Елинария – наша должница, так что… – не договаривает, позволяя дядьке продумать остальное за него.

Я уж было чувствую облегчение и триумф, но только до

тех пор, пока Дворф не поворачивается снова к нам.

– В общем, так, – холодный тон, равнодушный взгляд, протянутая визитка: – Принесете все до заката следующего дня по этому адресу, стражники предупреждены, скажете, что ко мне, а там все честь по чести оформим. До свидания!

И произнеся эту речь, поворачивается и уходит в сторону кареты. Садится молча на привычное место и, понукая этих ящероподобных ездовых существ, начинает удаляться от нас.

– А это что за звери, Тиль? – киваю на ящеров, пока они не убежали.

– Заны, госпожа, – открыв рот, провожает он взглядом нашего бывшего нежеланного гостя Дворфа.

Я же, кивнув, задумчиво, буравлю взглядом визитку. Во дела! И что делать?

– А блестяшка-то дорогая, – вдруг виноватым голосом говорит Зинка.

Я же подбираюсь вся и с подозрением смотрю на эту клептоманку. Так-так-так… И во что она, спрашивается, нас втянула?!

Глава 6

Вспыхиваю, догадываясь, что без этой неугомонной белки и здесь не обошлось. Чувствую, как краснеет от злости и негодования лицо, и хватаю Зинку за шкирку.

– Эй, беспредел, ты чего творишь? – начинает она голосить, аж уши закладывает от ее громких попискиваний. – Слышь, я жаловаться буду!

Будь ее воля, она сейчас своим кулачком явно не воздух сотрясала бы, а скорее уж по моей голове стучала. Но я хмурюсь, поджимаю губы и быстрым шагом продолжаю направляться в кладовую. А уж когда мы оказываемся там, оглядываюсь по сторонам и не вижу за нами хвоста в виде Тиля. Вот его сейчас нам здесь совершенно не нужно. Так что, только после того как убеждаюсь, что поблизости нет мальчишки, с чистой совестью и ощущением злорадства скидываю эту бедовую мымру на мешок муки. Зинка плюхается на него, поднимая легкий белый клубок пыли, и смешно чихает, а моя злость тем временем все набирает обороты. Я демонстративно складываю руки на груди и вздергиваю вопросительно левую бровь. А после сразу же, не давая ей опомниться после жесткого приземления, пока она не придумала заготовленных оправданий, приступаю к не менее твердому допросу.

– Скажи-ка мне, дорогуша, помощница моя ненаглядная, незаменимая… Кольцо у тебя? – поднимаю подбородок и об-

вожу ее взглядом с явно нездоровой головушки до кончика хвоста, который так и норовит найти на свое основание неприятных приключений.

Зинка в этот момент опускает глаза долу, из них сразу же уходит возмущение. Ага! Чувствует-то вину свою, негодница, небось! Но вопреки моим ожиданиям она не стала сразу же каяться, а просто отряхнула свой пушистый красненький хвостик, шоркнула задней лапой и как-то понуро свесила голову, будто пытаясь вжать ту в свои мохнатые плечи.

– Вот только не надо мне тут строить из себя стесняшку! – знаю, что грубо давлю на нее своей агрессией, но уж очень мне не нравится вся эта ситуация.

Мы ведь в полной *опе. Еще и долг навесили, ироды. Так что, прокручивая в голове все ужасы нашего бедственного положения, я уперла руки в бока и подошла ближе к Зинке, гневно нависая над гадиной. Это уже не шутки, это… Это полный ужас! Я ведь могу все потерять… Только обретенную жизнь в новом мире! И пусть та еще не шибко-то и состоятельная, но это моя! Наша жизнь! И нечего всяким безалаберным свешивать свои бессовестные лапы с моих не богатырских плеч!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.